

РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Находки из раскопок могильников Никитино и Заречье.

Работы археологических экспедиций ГИМ на Оке: Некоторые итоги и перспективы изучения рязано-окских могильников III–VII вв. н. э.

Рязано-окские могильники, основной массив которых расположен в среднем течении Оки вплоть до Касимовской возвышенности, исследуются с конца XIX века. Но до настоящего времени проблемы их хронологии, происхождения, развития культуры остаются нерешенными в том числе и потому, что ни один из этих памятников не был раскопан полностью. Лишь фундаментальное на тот момент исследование П. П. Ефименко (1926) позволило выделить несколько хронологических периодов в функционировании могильников и наметить этно-культурные связи оставившего их населения. Он же определил и основной вид занятий рязанских племен — скотоводство, отметив высокую степень военизированной их культуры. Изучение рязано-окских могильников особенно важно в связи с тем, что носители культуры принимали активное в той или иной степени участие в этногенезе крупных поволжско-финских племен: мордвы, мери, муромы и мари.

В связи с этим основной задачей археологических экспедиций Государственного Исторического музея в 1991–2004 гг. стало исследование рязано-окских могильников широкими площадями с целью охватить раскопками всю территорию памят-

ников. Эти работы преследовали и охранные цели, т. к. могильники активно разрушаются в ходе ежегодной распахки, застройки или деятельности «черных археологов».

В этот период было полностью завершено исследование могильника Кораблино¹ на р. Листвянке, где за 4 года вскрыто около 2253 м² площади и 160 погребений, а за все годы, начиная с 1986 г., — 4576 м² с 272 захоронениями (не считая поселенческих комплексов и могильника эпохи бронзы и поселения XII–XIV вв.) С 1996 г. велись раскопки могильника Заречье на р. Проне, вскрыто 1139 м², изучено 227 могильных комплексов; Никитино на Оке, где раскопано 2160 м² и исследованы 209 погребений (*рис. 1*), а также остатки трех культово-поминальных сооружений (не считая комплексов эпохи бронзы и древнерусского времени); проведены рекогносцировочные исследования на могильниках Ундрих на р. Тырнице и Шатрищи на Оке; изучен новый для рязано-окской культуры тип погребальных памятников — курган середины I тыс. в составе комплекса Белые Бугры на р. Паре.

Процесс полевых исследований включал две взаимосвязанные части: непосредственно раскопки на современном методическом уровне, и раз-

борку погребальных комплексов с детальной фиксацией каждого этапа.

Все перечисленные памятники принадлежат одной культуре, но их местоположение, а отсюда и характер планировки различны. Кораблино, Никитино и Шатрищи расположены на высоких мысах, Заречье и Ундрих — на дюнах. Топография первых трех давала возможность росту могильников вширь, а небольшая дюна в Заречье определила сложную стратиграфию памятника, когда поверх ранних могил, полностью или частично перекрывая их, располагались поздние погребения.

Но во всех случаях это были захоронения преимущественно по обряду ингумации, вытянуто на спине, в подпрямоугольных ямах, расположенных довольно четкими рядами. Почти все они сопровождалась погребальным инвентарем: женщин хоронили в традиционном уборе с множеством деталей и украшений, мужчин — с предметами вооружения и сосудами. Часть захоронений произведена по обряду кремации на стороне с переносом остатков кремации, как правило, очищенных от угля, в обычную грунтовую яму, где их располагали либо небольшой кучкой в центре, либо рассыпали по всей поверхности дна. Поверх кальцинированных костей в порядке ношения

Рис. 1. Могильник Никитино. Общий вид раскопа, 2003 г.

клали инвентарь. Во всех случаях погребенных или остатки трупосожжения завертывали в луб, захоронения совершали на дне ям.

Современная методика в ряде случаев позволила проследить остатки обугленных деревянных конструкций перекрытий ям и соответственно заплечиков (Кораблино 24-2, 59-2, 117, 119, 171; Заречье 55, 66, 166; Никитино 108 и др.). Они выявлены в основном в погребениях по обряду труположения. Реально процент ям с перекрытиями был значительно выше, т. к. верхние части могил зачастую разрушены распашкой или поздними погребениями.

Наряду с этим впервые для этой культуры прослежены погребения с частичным трупосожжением. В Заречье 219 череп погребенного сожжению не подвергался, а в женской могиле 99 обугленные, но не сгоревшие окончательно, кости черепа положе-

ны отдельно от основного скопления костей.

Также впервые в Никитино и Ундрихе были прослежены и вычленены из ранее исследованных три необычных захоронения. Умершего помещали в дубовую колоду, опускали ее в могильную яму, поджигали и засыпали землей. От колоды оставался древесный уголь. Эти погребения относятся к середине — третьей четверти V в.

В этих же памятниках впервые исследованы случаи биритуализма — к мужскому трупосожжению в Никитино 23/24 была дозахоронена верхняя часть тела женщины с шейными и нагрудными украшениями, а в Унд-

рих 3(2) к мужской ингумации дозахоронены кальцинированные части женского костяка с гривной и застежкой.

Парных одновременных погребений немного, среди них — детские, женщины с ребенком, мужчины с ребенком, мужчины и женщины. Наибольший интерес представляет чуть более позднее по отношению к мужскому дозахоронение женщины в Заречье 71, об этом ниже.

Небольшой процент ям представлен кенотафами без признаков совершения погребения, но обязательно с инвентарем, часто включавшим дарственные комплексы предметов женского убора. Вещи располагали

Рис. 2. Могильник Никитино, 2003 г.

1. Скопление жертвенных сосудов в погребении 113; 2. Мужское погребение 108 с браслетом и геральдическим поясным набором; 3. Женское погребение 80 с головными и шейными украшениями; 4. Общий вид погребения 80.

1

2

3

4

Рис. 3. Могильник Никитино, 2003 г.

1. Мужское погребение 191 с крестовидной фибулой; 2. Женское погребение 197 с крестовидной фибулой.

на лубе или в свертках из луба в обычном для обряда ингумации порядке. В некоторых случаях ямы кенотафов имели деревянные перекрытия. Для кенотафов конца V—начала VI в. характерно помещение ритуально «умерщвленных» сосудов (преднамеренно разбитых, в одном случае прослежено преднамеренное скалывание дна сосудов, в дальнейшем разбитых на две части) на перекрытие ямы (Никитино) (рис. 2, 1).

Проведенные полевые исследования значительно расширили и углубили источниковую базу культуры с точки зрения характеристики развития погребального обряда, а также состава и развития инвентаря (Ахмедов, 1991; 1995; 1997 и др.; Белоцерковская, 1998; 1999; 2000; 2003 и др.). Они дают возможность для реконструкции социальной стратификации окского населения этого периода.

На основе полученных данных и исследований предшественников поставлены задачи: а. разработка хронологии как отдельных категорий погребального инвентаря, так и всей культуры в целом; б. решение проблем происхождения, формирования и развития культуры; в. определение роли окского населения в этнокультурных процессах сер. I тыс. н. э.

Продолжающиеся и сейчас систематизация и осмысление материала

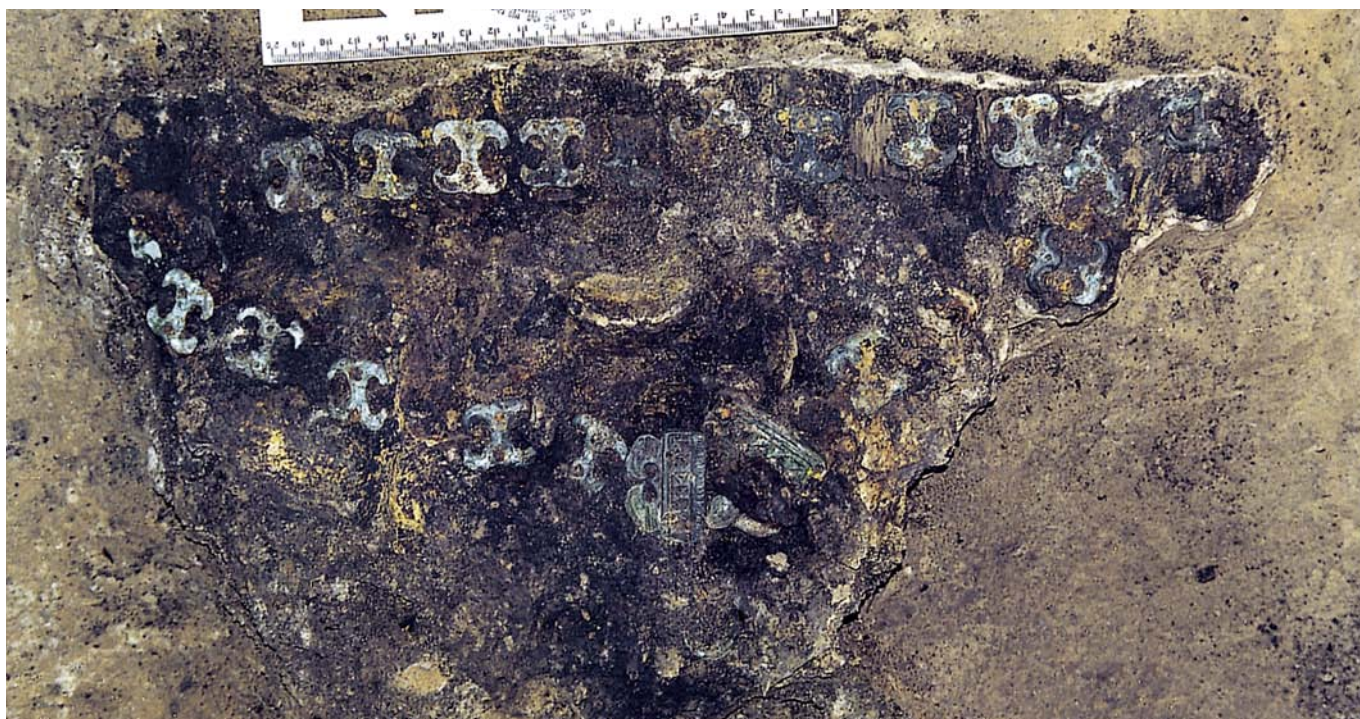

Рис. 4. Могильник Никитино, 2003 г.
Погребение 4, набор с птицевидными деталями.

позволили определить характер и наметить линию развития культуры с момента ее зарождения, а также выделить ее составляющие на отдельных этапах формирования.

В основе массовой культуры рязано-окских могильников лежат древности круга ранних погребений Кошибеевского могильника на р. Цна (Ахмедов, Белоцерковская, 1996; 1998б; 1999). Это достаточно четко прослеживается не только в погребальном обряде и в находках вещей кошибеевского облика в других окских могильниках (например, височные кольца «с лопастью», тонкие гривны со «скользящей петлей», пронизополуцилиндрики в составе головных уборов — Кораблино, Заречье, Шатрищи, Польное-Ялтуново), но и в дальнейшей эволюции кошибеевских древностей в рассматриваемых памятниках (привески-уточки, головные бляхи с циркульным орнаментом, прототипом которых являются нагрудные бляхи с валиками и радиальной прорезью; Ахмедов, Белоцерковская, 1998б, рис. 1–3, 5) (рис. 6, 9, 11).

Древности круга ранних погребений Кошибеевского могильника, а соответственно и ранних захоронений Кораблино, Заречье, Шатрищ сложились на основе материальной культуры населения, оставившего памятники типа Андреевского кургана в Мордовии, Писеральских курганов, городищ Пичке-Сорче и Ножа-Вар в Поволжье. Этот вывод построен на присутствии в кошибеевских комплексах типично андреевских и писеральских крупных железных пряжек, наконечников копий с широким и листовидным с ребром в срединной части пером, расширяющимся при переходе к втулке; умбовидных и плоских бронзовых блях прорезных и с валиками (их прототипы есть в Андреевском и Писеральских курганах); проволочных гривен с перехлестнутыми концами со «скользящей» петлей и крючком с ромбовидной головкой в Андреевском кургане) (Ахмедов, Белоцерковская, 1998б, с. 32, 33; Ахмедов, в печати, а).

Можно полагать, что заселение бассейна Средней Оки поволжско-

финскими в своей основе племенами, пришедшими с востока, и принесшими с собой уже сложившийся и устоявшийся обряд погребения (ингумации в подпрямоугольных ямах — мужчин с оружием, женщин в традиционном уборе с многочисленными украшениями) началось в конце I — начале II в. Но первые группы поселенцев были немногочисленны, их древности известны пока лишь в Кошибеево и Кораблино, где во второй половине II — первой половине III в. зафиксировано развитие их традиций. В это время продолжают бытовать гривны со «скользящей» петлей, железные проушные топоры, крупные пряжки с длинными обоймами, наконечники копий, появляются втульчатые топоры-кельты.

На этапе освоения правобережья рязанского течения Оки прошлое население поддерживало связи с сопредельными и отдаленными территориями, возможно, через позднесарматские племена Верхнего Подонья. В это время в Поочье появились удила с крупными кольцами, двулезвийный меч (Кораблино 81-2), поя-

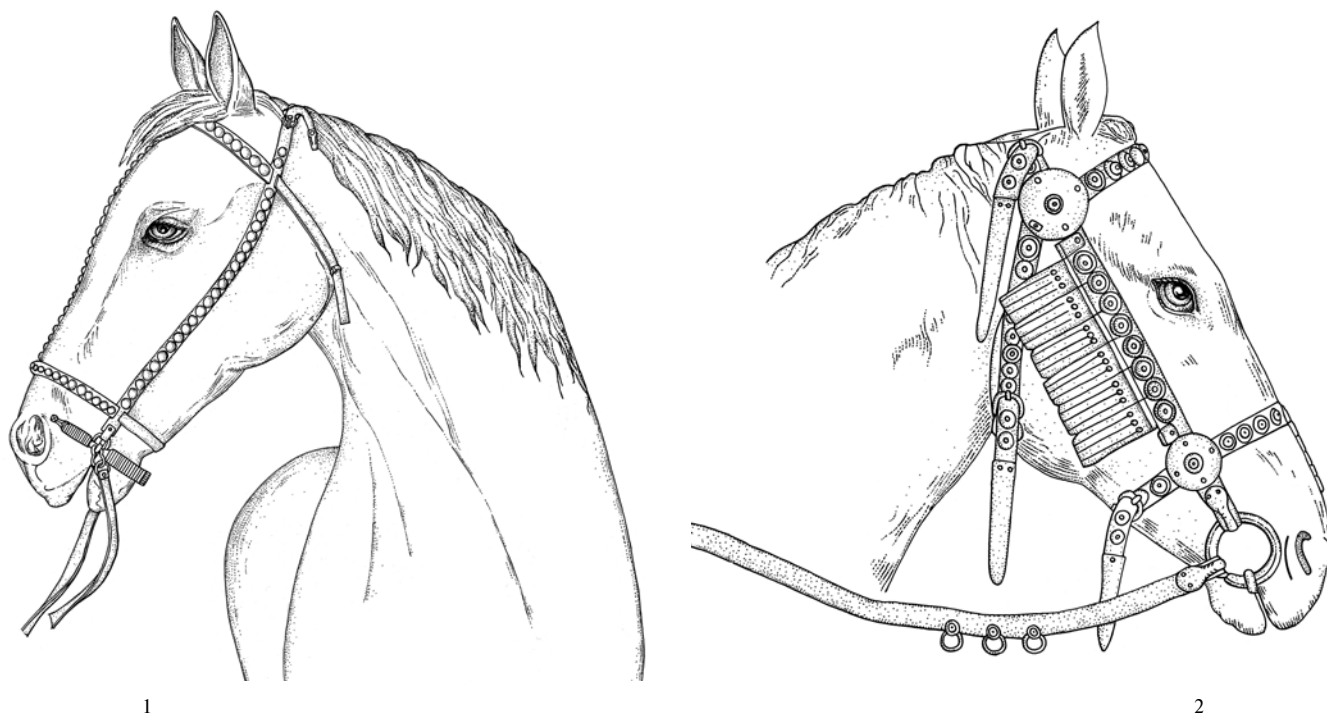

Рис. 5. Реконструкция конского убора.
1. Погребение 55 могильника Заречье; 2. Погребение 75 могильника Кораблино.

ные пряжки с сегментовидной рамкой и длинными прямоугольными обоймами (Кораблино, Шатрищи). Основной массив таких находок приходится на позднесарматские степные и кавказские памятники.

Следующий этап в развитии культуры рязано-окских могильников связан с окончательным освоением ее носителями бассейна Средней Оки в позднеримское время, в III—начале IV в.

Древности этого периода хорошо представлены уже в целом ряде памятников — Кораблино, Заречье, Шатрищи, Польное-Ялтуново, Кузьминское и др. Сопоставление их с культурами позднеримского времени имеет не только хронологический, но и содержательный характер. Именно этим временем датируются массовые находки предметов инокультурного облика на Оке.

Во второй половине III—начале IV в. это были лишь единичные вещи: шарнирная пряжка — Кораблино 42-2; пластины в виде полумесяца для крепления ремня — Кораб-

лино 79-2; ряд мелких пряжек с овальной и сегментовидной рамкой округлого или ромбического сечения, серия двучленных средних размеров фасетированных с подвязной ножкой, с одинарной тетивой на оси с бусинками на концах фибул, — Заречье 85, 116 (рис. 6, 42). Эти предметы имеют аналогии или близкие формы в комплексах Бережанской фазы черняховской культуры, по Е. Л. Гороховскому, и древностях с характерными чертами вельбарской культуры — в частности в погребениях 8 и 44 могильника Ружичанка в Подолии.

Наряду с этим на Оку проникали и предметы позднесарматского облика — одночленные лучковые фибулы с пластинчатой ножкой (Кораблино 50-2, 51-2; рис. 6, 37) середины — второй половины III в. (Малашев, 2000, рис. 1, с. 200, 201). Аналогичные предметы известны в Нижнем Поволжье, Прикамье и южном степном Приуралье.

Тесные связи окского населения с Приуральем и Прикамьем хорошо видны и на другом круге вещей —

на одинаковых для этих регионов поясных и портупейных гарнитурах, удилах с небольшими бронзовыми кольцами (Ахмедов, в печати, а), массивных прямоугольных в сечении, богато орнаментированных гривнах и браслетах (Кораблино 33-2, 44-2, Заречье 116). Из пряжек следует отметить поясные овальнорамчатые бронзовые с удлиненной подтрапециевидной обоймой с округлым завершением, массивные железные с крупной прямоугольной обоймой с сужением в центре (Заречье 116, 134 и др.; рис. 6, 14); обувные бронзовые пластинчатые круглорамчатые фасетированные с коротким язычком и длинной прямоугольной обоймой (Заречье 6, 120 и др.; рис. 6, 13). Все они типичны для памятников азелинского и мазунинского круга III—первой половины IV в. (Генинг, 1963, табл. III, 8; Голдина, 1999, рис. 114, 17; 115, 1; 116, 11; 128, 25).

Прикамские и позднесарматские элементы в культуре рязано-окского населения появились на Оке в результате этнокультурного взаимодей-

ствия с племенами левобережной Волги и Нижнего Подонья, механизм которого еще предстоит изучить (Ахмедов, в печати, а).

Любопытно, что во второй половине III—начале IV в. в составе женского убора появились ажурные застёжки и пластинчатые бляхи с перекрестьем, орнаментированные так называемыми «жемчужинами», т. е. округлыми выпуклинами (рис. 6, 34). На застёжках, а позже привесках «кошибеевского» типа, височных подвесках и прочих деталях женского костюма эти выпуклины, как правило, окружены ложновитым кантом, а позже заменившими его насечками. «Жемчужины» в IV—V вв. здесь, а позже в мордовских, муромских и марийских древностях, стали самым популярным видом орнамента. Вероятно, его появление связано со знакомством местного населения с изделиями, выполненными в стиле «клуазонне». Это дешёвая и легко изготавливаемая имитация дорогих украшений. Стиль «клуазонне», зародившись в Средиземноморье, в римское время получил распространение в декоре украшений и предметов обихода элитной моды, которая с III в. н. э. оказывала сильное влияние на культуру населения Восточной Европы, в первую очередь, на аланосарматскую его часть (Scukin, Vazan, p. 63—67; Малашев, 2000). Столь широкое распространение «жемчужин» с кантом на Оке, возможно, стало результатом усиления культурных связей с Предкавказьем и Северным Причерноморьем, которые прослеживаются в это время и по другим вещам.

В оружии ведущее место сохраняют наконечники копий ромбического сечения с продольным ребром и расширением в нижней части, наконечники дротиков с крупным двушипным пером, появляются ножи в бронзовых пластинчатых ножнах, изготовленных из сплошной пластины (Кораблино 72). Конское снаряжение состоит из железных удиц с кольчатым трензелем, появляются наборы, своим происхождением свя-

занные с позднесарматскими древностями группы Буденновская Слобода—Мексасуди, синхронными горизонту Кишпек—Аэродром первой четверти IV в. на Северном Кавказе (рис. 5, 1). Появляются плети с бронзовыми обкладками рукоятей и утяжелителями на ремне. Прототипы их известны в сарматских древностях Паннонии второй половины III в., Предкавказья и Южного Урала (Ахмедов, 1995, с. 17).

Особую группу представляют импорты III—начала IV в. центрально-европейского и южнобалтийского облика — гривны с напускными бусами и фигурной петлей для крючка (Кошибеево 49 — аналоги в Западной Европе в памятниках круга княжеских погребений Лейна-Хаслебен: Godlowski, 1970, pl. V, 3), одночленная подвязная с прогнутой спинкой средневропейская фибула (Кораблино 65-2 — аналогии в Чехословакии и Польше: Peskar, 1972, t. 32, 2, p. 110—112) (рис. 6, 38). Поясной набор с прямоугольной пряжкой с длинной пластинчатой обоймой, наконечником пояса в виде трех шарнирных привесок (Кошибеево 57), гривна с обмоткой и напускными бусами, две бронзовые шпоры с железными шипами и пластины для их крепления аналогичны пшеворским середины III в. (Ахмедов, Белоцерковская, 1998б; Ol' dzki, 1999, fig. 8, 4, 5. Ахмедов, в печати).

Другая часть погребального инвентаря окских могильников находит прямые аналогии или прототипы на соседних территориях — в древностях позднедьяковских москворецких и верхнеокских мощинских городищ (ажурные застёжки — прототипы на Дьяковом, Щербинском, Троицком; накладки-бабочки, наконечник ремня и литая пронизь с антропоморфными изображениями, серьги — аналоги на Луковне, Кунцевском, Щербинском, Круглице), витые петлекопечные гривны, проушные топоры (Мошино) (рис. 6, 3, 17, 32, 36, 41). Большинство этих предметов входило в состав женского костюма (наконечником ремня была отремонтиро-

вана даже нагрудная бляха — Кораблино 72), а в орнаментации и некоторых формах среднеокской посуды, изготовителями которой традиционно считают женщин, прослеживается очевидная связь с уже указанными культурами. Можно полагать, что носители позднедьяковской и раннемошинской культур принимали непосредственное участие в сложении культуры рязано-окских могильников в конце III—начале IV в. (Белоцерковская, 1999, с. 154—176; 2000, с. 99—108).

Позже, во второй трети—середине IV в., на Средней Оке появился уже целый массив предметов, связанных с древностями культур черняховского облика — в первую очередь, это мелкие бронзовые фибулы — подвязные второй подгруппы серии I варианта 2, по А. К. Амброзу (варианты Б2а, б, по Е. Л. Гороховскому) и «воинские» подгрупп 1—3, по А. К. Амброзу (1966, табл. 11; 9, 19; 10, 12, 17, 19, с. 60—64, 70—71) (рис. 6, 2). Здесь известно более 100 экз., это наибольшая концентрация таких находок за пределами ареала черняховской историко-культурной общности (Ахмедов, Гавритухин. Рукопись; Ахмедов, в печати). Местные мастера стали воспроизводить некоторые типы черняховских фибул (рис. 6, 43). Этим находкам сопутствуют ведековидные, пельговидные, прямоугольные и секировидные привески в составе ожерелий, которые в подобном сочетании известны лишь в черняховских древностях (Белоцерковская, в печати, а). В поясных гарнитурах окского населения есть производные от позднесарматских пряжек — с сегментовидными обоймами и рамками округлого сечения с прогнутыми, иногда фасетированными язычками с площадками у основания (Малашев, 2000, рис. 9Б, В; 12А, Б, Е), а также черняховские пряжки с утолщением в передней части рамки и массивным, не выступающим за край рамки язычком (Кораблино 72; рис. 6, 23).

Следует отметить, что связи окского населения с культурами черняховского круга стали интенсивными

именно в поздне римское время. Наличие значительного количества предметов черняховского облика в рязано-окских могильниках заставляет по-новому рассматривать сведения Иордана (1997, с. 116, 117) о вхождении «морденс» и «меренс» наряду с другими племенами лесной полосы Восточной Европы в состав «державы Германариха».

В результате процесса формирования к середине — концу IV в. облик культуры рязано-окских могильников в значительной мере приобрел устойчивые черты — мужские комплексы свидетельствуют о воинском характере культуры со всеми присущими ей элементами — наборами оружия в каждом мужском погребении, престижными пряжками и поясными уборами, конским снаряжением и во многих случаях дарами, состоявшими из предметов женского убора.

На груди мужчины носили крупные одиночные фибулы, часто местного производства, но подражавшие черняховским (Кораблино 1, 80; рис. 6, 43). Традиция застегивания одной фибулой плаща восходит к римскому военному обиходу, перенятому восточногерманскими и балтийскими племенами. К тем же традициям относится появление в комплексе мужского костюма браслетов — одного на правой руке, реже — двух на каждой из рук (рис. 2, 2; 3, 1). Воинские кольца (браслеты) у германцев упоминаются еще Тацитом. В III—V вв. эти браслеты становятся обычной категорией инвентаря погребений представителей элиты различных германских племенных группировок от аламаннов до гепидов (Werner, 1980, Abb. 12). Многие из них имели «княжеский» или «королевский» статус.

Женский убор, включавший височные кольца «с лопастью», ажурные застёжки, головные пластинчатые бляхи с циркульным орнаментом, шейные гривны, в том числе — круглодротовые с обмоткой на концах и замком в виде крючка и ромбического щитка с отверстием, тордированные гривны из прямоуголь-

ной в сечении проволоки с ромбическим щитком с отверстием и крючком, обувные уборы и др., массивные нагрудные лопастные бляхи-застёжки, является синкретичным (рис. 6, 1, 9—13, 34). В головном уборе массово использовались черняховские фибулы (рис. 6, 2). В основе формирования женского убора — древности поволжско-финского, прикамского, восточнобалтского (височные кольца с лопастью: Шитов, 1988, с. 14) и черняховского круга. Постоянный приток западных элементов из соседних позднеядьковского и мощинского регионов и более отдаленных областей создал ситуацию, в которой формировалась окско-финская в своей основе, но синкретичная культура, впитавшая большое число инокультурных элементов.

События дальнейшего гуннского и постгуннского времени оказали столь сильное влияние на носителей культуры, что это отразилось практически на всех ее сторонах и в первую очередь, сказалось в формировании престижного комплекса воинского снаряжения и костюма.

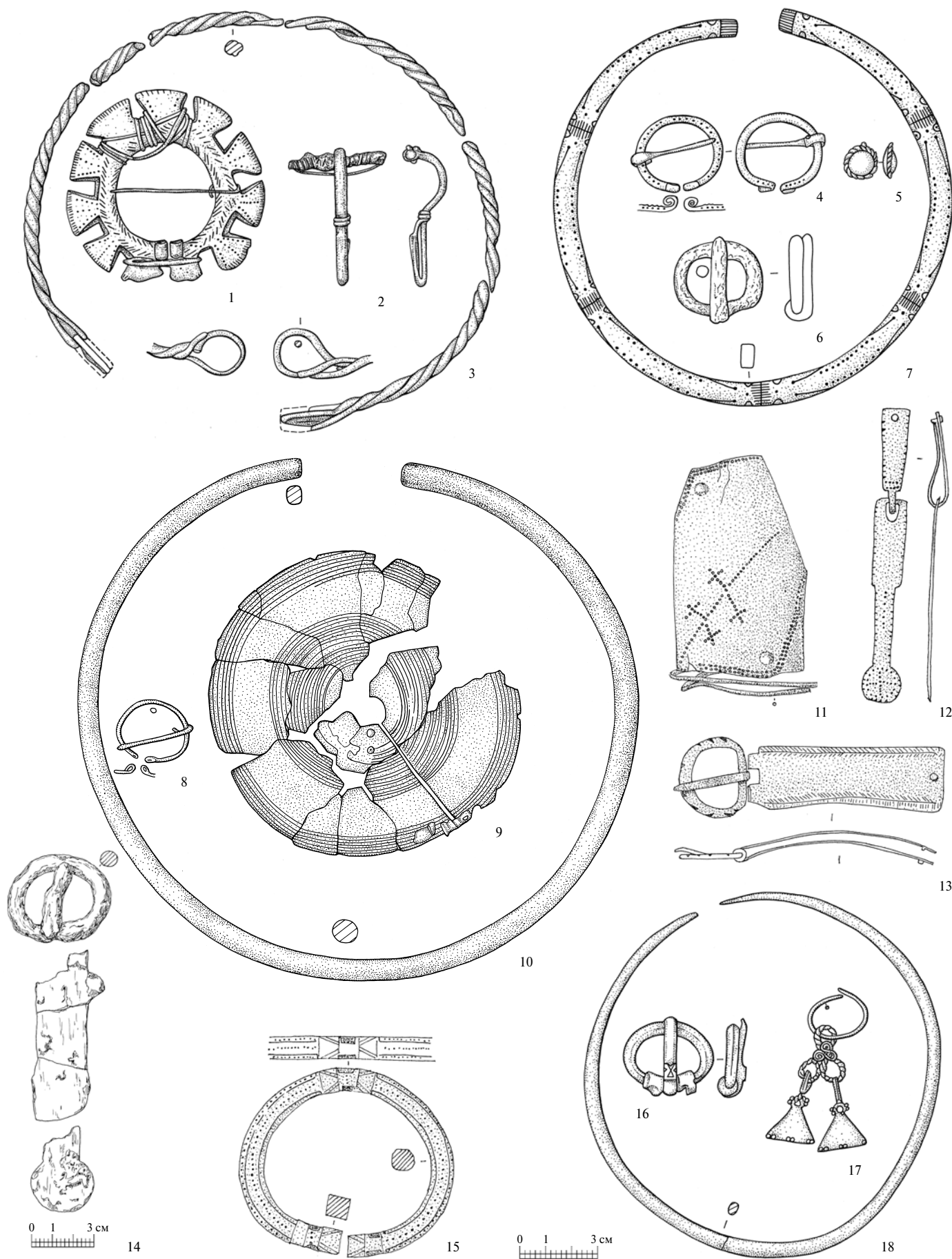
В мужских погребениях V в. появились массивные серебряные и бронзовые гривны из округлого дрота, с петлеконечными концами или крючком с полусферической головкой и граненым кольцом (Заречье 71А, Кораблино 14, 55, 74), иногда фасетированные (рис. 6, 31). Фасетированные гривны известны в кладах Латвии и Эстонии (Ахмедов, Казанский, 2004, с. 175). Мужчина-воин носил браслет, преимущественно на правой руке (Кораблино 55, 74, Заречье 39, 55 и др.), часто это были импортные образцы — серебряные массивные круглодротовые с сильным утолщением на концах, иногда таушированных золотом.

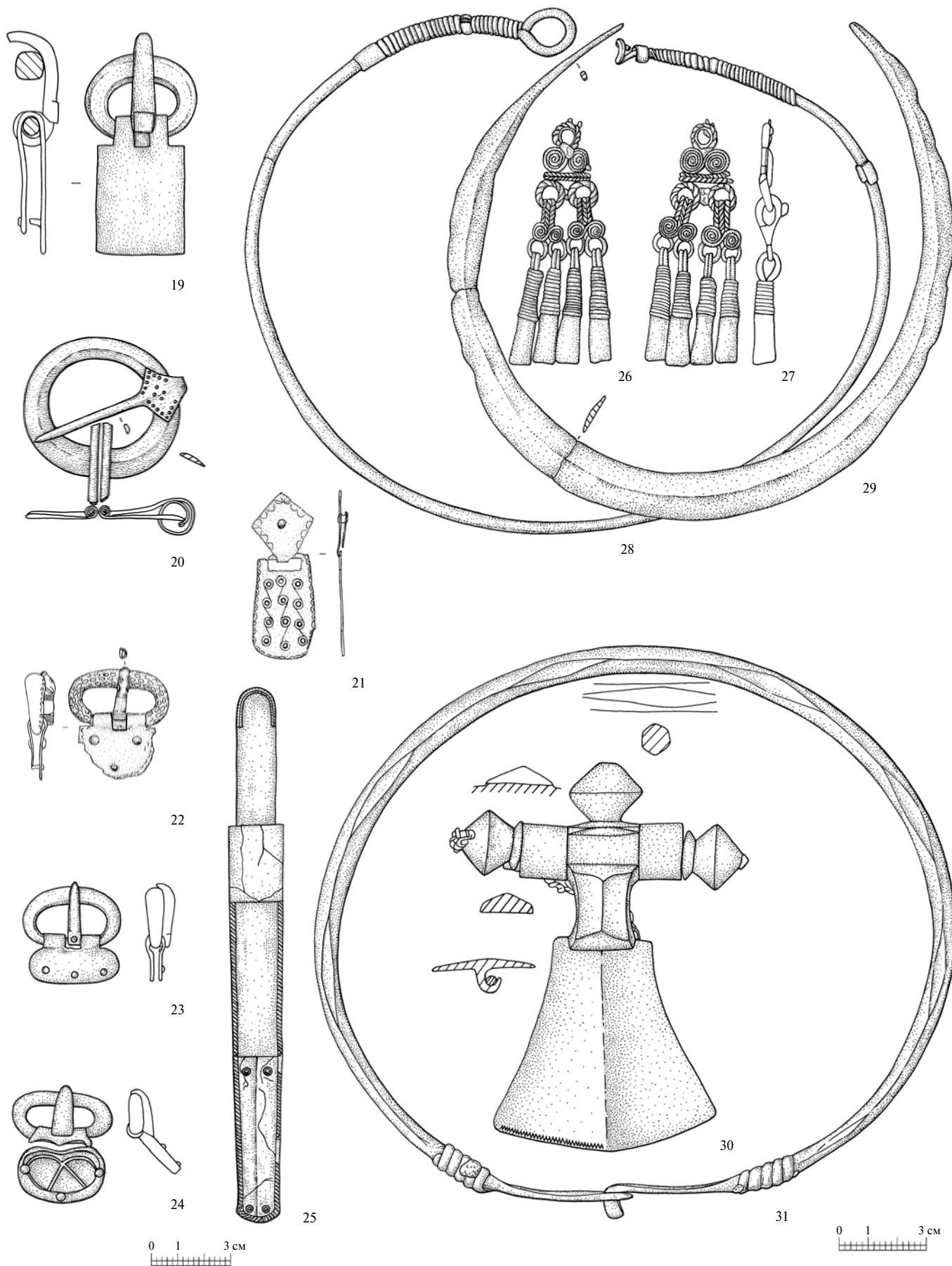
Если в конце IV — первой половине V в. (что соответствует периодам Д1 и Д2, по хронологической системе Я. Тейрала для среднеевропейских древностей, Teiral, 1997) распространенными типами поясных пряжек были кругло и овальнорамчатые с хоботковидными язычками, как пра-

вило, с прямоугольной обоймой, то в середине — второй половине V в. вырабатывается новый стиль поясных гарнитур с привозными поясными пряжками (Кораблино 18, 86), широко распространенными на среднем Дунае (Ахмедов, Казанский, 2004, рис. 8, 1, 2), или синтезными местного производства (Кораблино 74; рис. 6, 19, 24). Среди них есть массивные овальные с овальными обоймами с гнездами для вставок — явная реплика на европейские пряжки из богатых захоронений в Апахиде, могиле Хильдерика и т. д. и В-образная пряжка с рифленой рамкой среднеевропейских серий (Никитино 117, 191, Кораблино 18, 86). В неординарных погребениях вместе с поясными наборами, традиционными наконечниками копий, дротиков и кельтом встречаются длинные однолезвийные ножи (25—50 см), иногда в ножнах, сопоставимые с малыми лангсаксами, широко представленными в центрально-европейских древностях (Quast, 1999, S. 115—128) (рис. 6, 25). Иногда они составляли пару с длинными двулезвийными мечами, часть из них — европейских форм. Уникальной для лесной зоны является находка такого меча с перекрестьем, украшенным перегородчатой инкрустацией (Никитино 191). Отдельные типы коротких двулезвийных мечей близки мечам поздней фазы пшеворской культуры (Кораблино 14, 42, 96, 106, Заречье 55, 60, 66, Никитино 18, 99, 117 и др.).

Особую серию составляют пояса с птицевидным и зооморфным декором. В погребениях 99 и 4 могильника Никитино они зафиксированы *in situ*, что дает новые материалы для реконструкции воинского костюма (Ахмедов, 2003, с. 83—87б, рис. 1) (рис. 4). Большая часть таких находок сосредоточена в рязано-окских памятниках, что свидетельствует о возможном их производстве в Окском бассейне, а не только на Верхнем Днепре как полагал А. К. Амброз.

Рассмотренные элементы были частью новой общеевропейской воинской моды финала гуннского и

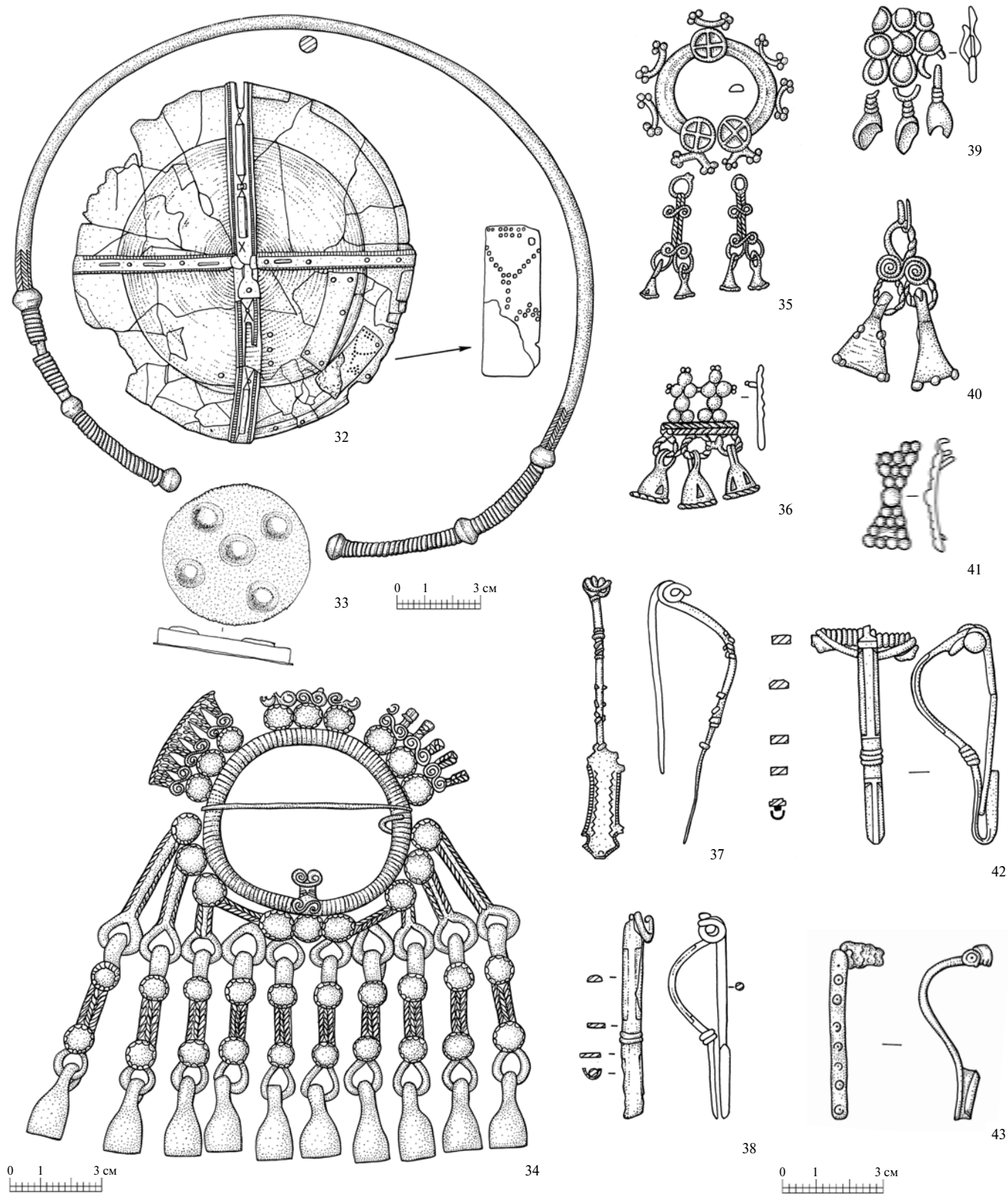

Рис. 6. Инвентарь рязано-окских могильников.

1, 2, 8–10. Кораблино 6-2; 3, 43. Кораблино 1; 4–7, 14, 16–18, 42. Заречье 116; 11–13, 15, 34. Заречье 120; 19, 25. Кораблино 96; 20. Кораблино 176; 21, 22. Кораблино 94-2; 23, 32. Кораблино 72; 24. Кораблино 86; 26–29. Кораблино 171; 30, 31. Заречье 71; 33. Заречье 117; 35. Кораблино 39; 36. Кораблино 8-2; 37. Кораблино 50-2; 38. Кораблино 65-2; 39. Кораблино 5-2; 40. Кораблино 69-2; 41. Кораблино 17-2; 43. Кораблино 1.
1, 3, 7–13, 15–19, 21–24, 26–29, 32–37, 39–41. Бронза; 25, 30, 38, 42, 43. Бронза, железо; 20, 31. Белый металл.

постгуннского времени, которая прослежена не только на средней Оке, но и в нижнеокских, марийских (Безводнино, Мл. Ахмылово), мордовских древностях (Абрамово) и на верхнем Дону (могильник на Животинном городище). Процессы, результатом которых стало распространение этой моды в Центральной России, еще не получили необходимого анализа. Однако уже сейчас понятно, что их нельзя объяснить только дальними культурными связями. Возможно, дальнейшее изучение покажет моменты соприкосновения рязано-окских племен с группами мигрантов, фиксирующихся сейчас на территориях Московской, Калужской и Тверской областей (Ахмедов, Казанский, 2004.).

Детали конского убора, а в комплексы «престижных» погребений часто попадали полные уздечные наборы с удилами, как правило, аналогичны северокавказским и степным (Ахмедов, 1997, с. 202–264). Связи окского населения с этими районами существовали с ранней поры (Ахмедов, 1995, с. 89–108). Известна также находка серебряного псаля с зооморфным декором боспорского производства (Ахмедов, 2002, рис. 1, б). Но есть и некоторые параллели с западными образцами, а также детали поясных и несколько уздечных наборов центральноевропейского облика, в том числе изготовленные в стилистике изделий круга Сездал–Кошовени де Жос первой половины–середины V в. и второй половины V в. (рис. 5, 1; 6, 21, 22). Аналогии последним известны в тюрингских и аламанных памятниках — (Заречье 55, Курман 28, Борок II, Ундрих — Ахмедов, 2002, рис. 7; Ахмедов, Казанский, 2004, с. 178).

Наиболее яркой деталью мужского костюма V в. становятся крупные крестовидные фибулы местного производства, связанные своим происхождением с Т-образными фибулами черняховского круга и группой *Bugelknopffibeln*. Их находят по одному экземпляру в комплексах с большим количеством и разнообразием

инвентаря, включая поясную гарнитуру, гривну, браслет, удила, иногда полный уздечный набор, оружие, часто комплект дара (рис. 3, 1, 2). Это позволяет считать крестовидные фибулы своеобразным маркером высокого положения погребенных (Ахмедов, Белоцерковская, 1998а, с. 105–122).

Очевидно, эти фибулы, подобно Т-образным в погребениях германской знати в Центральной и Западной Европе, символизировали особый социальный статус погребенных (Ахмедов, Казанский, 2004, с. 175).

Позже крестовидные фибулы стали изредка входить в состав женского костюма, но они зафиксированы в погребениях только с очень большим количеством инвентаря, что помимо фибулы выделяет их из основного массива (Ахмедов, Белоцерковская, 1998а). Возможно, эти женщины при жизни играли ту же роль, что и владельцы фибул — мужчины.

Особенно показательным в этом отношении дозахоронение в мужское погребение с мечом и фибулой женщины с такой же крестовидной, но чуть более позднего облика, фибулой в Заречье 71 (рис. 6, 30). Очевидно, это семейное захоронение представителей элитной прослойки. Подобная семейная группа из двух расположенных рядом погребений с богатым инвентарем, в который входили и крестовидные фибулы, известен и в Никитино (погребения 191, 197).

Судя по всему, в гуннское и постгуннское время происходит дальнейшее развитие социальной структуры рязано-окского населения. Именно этим временем датируются два погребения с богатым инвентарем из могильника Борок II, в их составе — крестовидные диадемы с птицевидными деталями. Наиболее богатое из них погребение 525 наряду с серебряными элементами головного убора содержало и поясной набор с серебряными деталями дунайского облика, короткий однолезвийный меч с серебряными обкладками ножен и медальон из двух золотых монет Септимия Севера (определение С. Болды-

рева)². Анализ этих уникальных находок позволил не только проследить их связь с римской и центральноевропейской культово-ритуальной практикой, но и предположить, что их владельцы могли занимать главенствующее положение в иерархической системе рязано-окских племен (Ахмедов, в печати, в).

Очевидно, что начинается структурироваться и территория, занимаемая рязано-окским населением, на что указывает наличие центров микрорегионов. Эти центры выделяются по уровню и характеру погребальных комплексов и концентрации археологических памятников. Среди них особое место занимает шиловская группа памятников (Борок II, Ундрих, Кулаковский и др. могильники). Такими центрами, очевидно, следует считать также Борковской, Заречье 4 и Шатрищенский могильники.

В пользу предположения о наличии определенной организации региона свидетельствует и возникновение на рубеже IV–V вв. на ключевой точке Средней Оки, у впадения крупнейшего притока р. Прони, соединяющего окский бассейн с лесостепными территориями верхнего Подонья, Никитинского могильника. Особенности планировки памятника, необычно большое количество клинкового оружия даже в небогатых мужских погребениях V в., а также облик женского костюма, идентичный известному по Шатрищенскому могильнику, позволяют предположить, что этот могильник оставлен воинским коллективом, высланным в начале V в. для охраны стратегически важной точки рязанского течения р. Оки.

К середине V в. произошли кардинальные изменения в облике женского убора — особенно в наиболее значимой его части — головном уборе. Из состава последнего исчезли головные бляхи, кольца с лопастью, ажурные застежки, взамен их широкое распространение получили головные венчики, височные привески, наконечники, затылочные кисти (рис. 2, 3, 4; 6, 26, 27). Шейные украшения представлены ожерельями из бус,

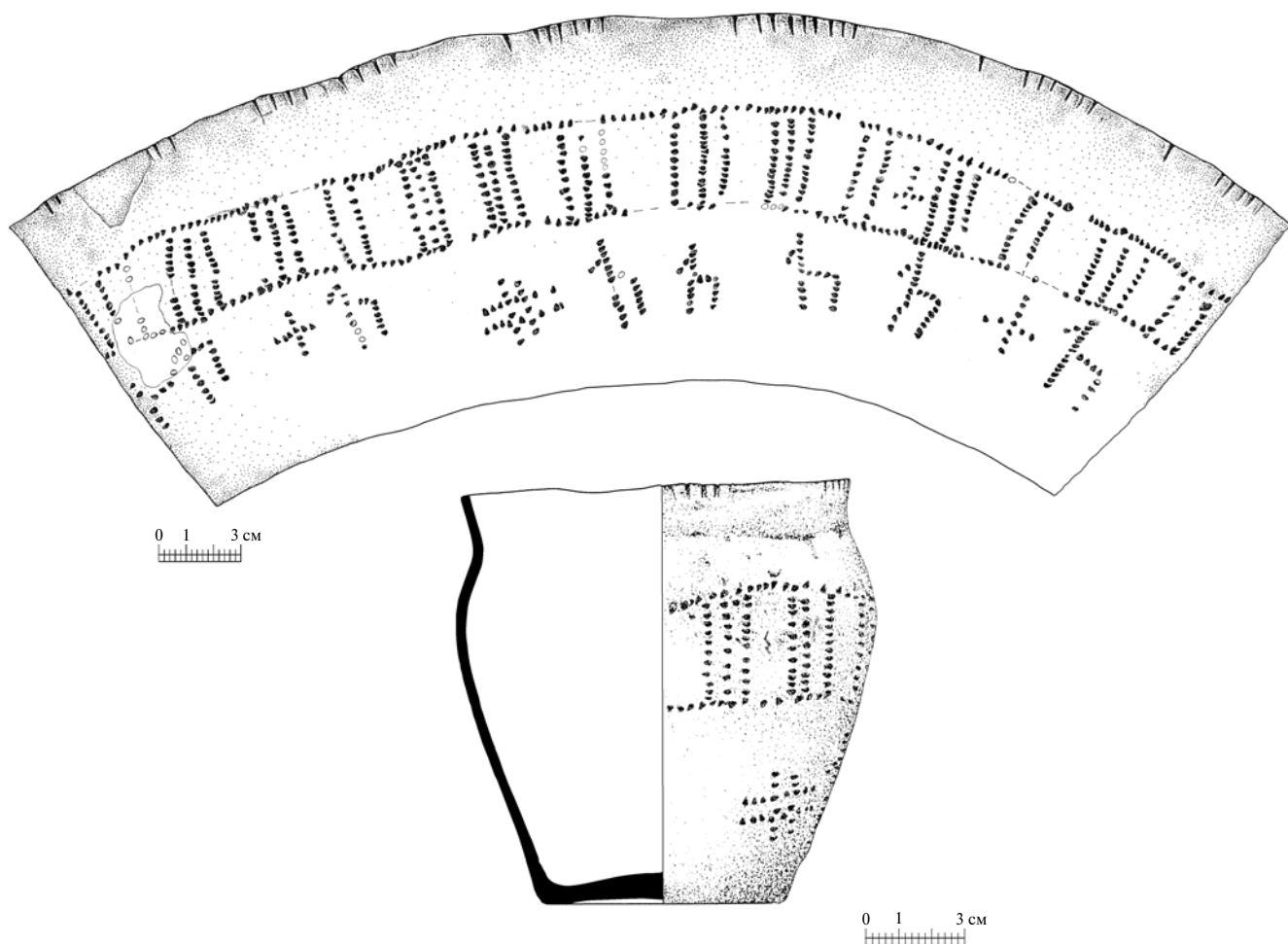

Рис. 7. Сосуд из погребения 101 могильника Заречье.

иногда с металлическими привесками, гривнами с коробкой; на руках носили сначала пластинчатые, а затем дровяные браслеты местного, реже импортного, производства: массивные с сильным утолщением на концах. Нагрудные бляхи местного производства (рис. 3, 2) сначала с округлым вырезом в центре, затем с «крышкой» стали непременным атрибутом замужней женщины, выполняющая, вероятно, сакральную функцию (Белоцерковская, 2003, с. 239–254). Подтверждением тому служит состав даров в мужских погребениях, куда, как правило, входили нагрудная бляха и часто — наконечники.

Большинство исследователей признают, что в древности традиционный женский убор имел сакральное значение, поэтому кардинальное и

массовое изменение его значимых частей, как это случилось у рязанско-окского населения в V в., могло происходить только вместе с изменениями в системе религиозных представлений. Это подтверждается находкой в Заречье 101 в мужском погребении последней четверти IV в. в комплексе с поясным набором, оружием, гривной, фибулой и браслетом уникального сосуда местного производства с календарной символикой (рис. 7). В его трехъярусной композиции отражены хозяйственно-бытовая система счета времени и исчисление астрономического года 13 месяцами лунно-солнечного календаря. Погребение, судя по составу инвентаря, принадлежало мужчине-воину высокого ранга. Поскольку в древности календарь кроме прикладного имел и сакраль-

ный характер, а наблюдение за соблюдением календарного цикла являлось прерогативой ограниченного круга людей, обладавшего необходимыми знаниями и определенным социальным статусом, то рассматриваемый комплекс, вероятно, принадлежал представителю лидирующей части коллектива, оставившего могильник в Заречье. Очевидно, социальное развитие окских племен на этот момент привело к определенной стратификации общества, и именно представители привилегированной его части погребались в престижном костюме и с престижным набором инвентаря. Погребенный в Заречье 101 мужчина, занимая достаточно высокое место в иерархии коллектива, очевидно, выполнял и функции жреца (Белоцерковская, в печати, б).

Для престижного женского костюма характерны головной убор, несколько ожерелий, в том числе с металлическими привесками, 2–3 гривны (одна из них с коробкой), нагрудная бляха, до 8 браслетов и 10 перстней, в некоторых случаях — крестовидная фибула (рис. 3, 2).

Очевидно, что коренные изменения в женском уборе как и формирование воинской культуры стали результатом воздействия охарактеризованных выше культурных импульсов. Традиция ношения большого числа шейных украшений, а также появление аппликации или вышивки бляшками из сплава на основе олова или свинца на вороте, груди, плечах и рукавах женской одежды могли быть вызваны влиянием средиземноморской моды. Эта аппликация имитировала прессованные золотые пластинки, известные по женским погребениям V в. от Северного Причерноморья до Северной Африки.

Местной версией византийских гривен с замком в виде инкрустированного медальона стали рязано-окские гривны с коробками, декор которых имитирует инкрустации. Прототипы этих гривен появились на Средней Оке еще в начале римского времени и происхождением своим связаны с древностями круга Лейна-Хасслебен-Чейков. Внутри коробок часто прослеживаются остатки воска, что свидетельствует об использовании гривен в качестве своеобразных амулетов.

Несколько рядов шейных украшений с бусами и привесками, а также вышивка в передней части платья хорошо видны на византийских изображениях V в. (Schmauder, 2002, Abb. 32). На одном из них (Abb. 33) — изображении императрицы — есть и наkosные украшения, и вышивка или аппликация. К этим же заимствованиям, вероятно, относится и появление в ансамбле женского костюма массивных поясных кистей с крупными дисковидными бронзовыми подвесками, подобные поясным украшениям европейского и византийского происхождения (Martin, 1991).

Очевидно, в это время у рязано-окских племен, так же как на Кавказе и в Крыму, складывается костюм, подражавший престижному западному (Ахмедов, Казанский, 2004, с. 175). Но на традиционный местный убор накладывались лишь отдельные детали престижного костюма (например, использование одной фибулы вместо восточногерманских парных). Дальнейшая разработка этих проблем, возможно, позволит решить вопросы о конкретном пути заимствования западных элементов.

Столь кардинальные изменения в культуре окского населения гуннского и постгуннского времени были вызваны сложной этнополитической обстановкой в Восточной Европе в эпоху гуннского господства и после распада державы Атилы. Это, на наш взгляд, вызвало резкие структурные изменения в культурах западной части лесной зоны Восточной Европы. О том, что эти изменения сопровождались и военными вторжениями отдельных групп мигрантов в лесную зону свидетельствует как горизонт пожарищ на верхнеднепровских городищах, так и целый пласт погребений погибших насильственной смертью в рязано-окских могильниках, датирующийся в рамках третьей четверти V в. (Кораблино 16, 96 и др.). Полагают, что все это связано с приходом групп нового населения либо из региона, расположенного северозападнее среднего течения Оки, либо из лесостепной зоны Днепро-Донецкого междуречья (Казанский, Ахмедов, 2004, с. 178, 179).

В свою очередь прослеживается и обратное, культурное влияние населения средней Оки на сопредельные территории Центральной России. Давно замечено, что некоторые типы среднеокских женских украшений получили дальнейшее развитие в культурах муромского населения Нижней Оки, мордвы, мари. Последнее исследование ареала крестовидных фибул показало, что основная их масса концентрируется на Оке. Эволюционные ряды их свидетельствуют о местном производстве,

а планиграфическая ситуация их нахождение позволяет предполагать, что крестовидные фибулы были своеобразными этнокультурными индикаторами. Дериваты таких фибул или их уменьшенные копии с теми же планиграфическими особенностями размещения в могильниках известны также в низовьях Оки и на правобережье Волги — в памятниках безводнинского-ахмыловского и муромского круга. Известны они в комплексах с вещами окского облика и в Подмосковье (Лопасня, Хотяжи), и в верхневолжском регионе (Орлов городок, Ратьковский могильник, Дуденево, Попадьино, Введенское). Появление крестовидных фибул, сопровождавшееся отдельными находками других предметов окского типа (гривны, привески, нагрудные бляхи) в этих районах, вероятно, указывает на участие рязано-окского населения в этнокультурных процессах эпохи Великого переселения народов в лесной зоне Центральной России, в том числе в миграциях, а также на направления культурных контактов различных групп населения (Ахмедов, в печати, б).

VI — первая половина VII в. для окского населения был периодом относительно стабильного, без каких бы то ни было крупных инноваций, бытования культуры. Женский костюм этого времени постепенно теряет многообразие деталей и украшений, присущие ему в период формирования и расцвета. Исчезли головные венчики, ожерелья стали более однообразными; ведущий тип гривен — пластинчатые серповидные, и браслетов — дротовые с сильно раскованными концами — местного происхождения. Наряду со сложными височными привесками (рис. 6, 26–29) появились сначала крупные кольца с объемными подвесками, а затем и простые проволочные височные кольца. По-прежнему бытовали нагрудные бляхи поздних серий с крышкой, широко распространились простые нагрудные бляхи с двумя накладками, видоизменились привески к наkosникам. Развитие женского ко-

стюма в целом шло в русле изменения местных форм.

Для мужского инвентаря характерен тот же набор вооружения, что и прежде — копья, кельты, изредка мечи, но более позднего облика. Дротики сопровождали погребения не так регулярно, как ранее. Место крестовидных фибул заняли крупные местные кольцевые застежки-сюльгамы с так называемой крылатой иглой (Кораблино 176; *рис. 6, 20*). Обычай помещения женских даров в мужские могилы к этому времени прекратил свое существование.

Импортных вещей немного, как правило, это поясные наборы геральдического стиля (Заречье 115, 122, 154, Никитино 108, Кораблино 81 и др.) и однолезвийные палаши, часто снабженные Р-образными скобами (За-

речье 203, 237, Никитино 129 и др.) (*рис. 2, 2*), аналогичные широко распространенным в раннесредневековых культурах Восточной Европы.

В целом создается впечатление как бы оскудения культуры, лишь в восточной части ее территории (Курман, Шокша) процесс развития продолжался более интенсивно, вырабатывались новые оригинальные формы вещей. На основной своей территории к середине VII в. рассматриваемая культура, очевидно, прекратила существование. Вопрос о причинах этого остается открытым — оно могло быть связано с изменением внешней ситуации, климата, или отношения к погребальному ритуалу. Наиболее перспективной представляется гипотеза о взаимосвязи резкого сокращения ареала культуры с событиями,

предшествующими сложению новой политической карты Восточной Европы под властью Хазарского каганата. Косвенно правомерность этого положения подтверждается широко известным погребением знатного кочевника в Арцыбашево, в Скопинском уезде Рязанской области, расположенном более чем в 400 км к северу от находок подобных погребений.

Таким образом, результаты исследования культуры рязано-окских могильников за последние неполные два десятилетия не только существенно дополнили источниковую базу и позволили предложить новые решения вопросов культурогенеза, но и дают возможность наметить пути решения различных проблем истории не только Окского бассейна, но и всей Центральной России в целом.

¹ Могильник Кораблино расположен на двух мысах, погребения на мысе 2 рядом с номером погребения через тире обозначены цифрой 2.

² Любезное сообщение директора Шиловского Народного музея А. П. Гаврилова.

БИБЛИОГРАФИЯ

Амброз А. К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. Вып. Д1-30.

Ахмедов И. Р., 1991. Плетки из могильника Кораблино // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.

Ахмедов И. Р., 1995. Из истории конского убора и предметов снаряжения всадника рязано-окских могильников // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань

Ахмедов И. Р., 1997. Уздечный набор из могильника Заречье 4 // Древности Евразии. М.

Ахмедов И. Р., 2002. Детали конского убора с зооморфным декором в гуннское и постгуннское время // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Тр. ГИМ. Вып. 135.

Ахмедов И. Р., 2003. Новые находки гарнитур с птицевидным декором в лесной зоне Восточной Европы гуннского и постгуннского времени // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В. А. Городцова в Государственном Историческом музее. Тез. докл. конф. Ч. II. М.

Ахмедов И. Р., в печати, а. Воинская культура населения Средней Оки в позднеримское время.

Ахмедов И. Р., в печати, б. Окские крестовидные фибулы как индикаторы этнокультурных процессов в Центральной России эпохи Великого переселения народов // Материалы чтений памяти А. М. Микляева. СПб.

Ахмедов И. Р., в печати, в. Крестовидные диадемы в Восточной Европе в эпоху Великого переселения народов // Проблемы толерантности и взаимовлияний населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. Ижевск.

Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В., 1998а. О месте фибул из рязано-окских могильников // Археологические памятники Поочья. Рязань.

Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В., 1998б. О начальной дате рязано-окских могильников // Тр. ГИМ. Вып. 96.

Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В., 1999. Хронология Кошибеевского могильника // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Тез. докл. конф. М.

Ахмедов И. Р., Гавритухин И. О. Рукопись. Свод фибул Центральной России.

- Ахмедов И. Р., Казанский М. М., 2004. После Атилы. Киевский клад и его культурно-исторический аспект // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. Докл. науч. конф., посвящ. 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова. СПб.
- Белоцерковская И. В., 1998. Головной убор из могильника Кораблино // Историческая археология. Традиции и перспективы. М.
- Белоцерковская И. В., 1999. Ажурные застежки из могильника Кораблино // Тр. ГИМ. Вып. 103.
- Белоцерковская И. В., 2000. Верхнеокские элементы в культуре рязано-окских могильников // Тр. ГИМ. Вып. 122.
- Белоцерковская И. В., 2001. Затылочные кисти из рязано-окских могильников // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия (из истории костюма). Самара. Т. 2.
- Белоцерковская И. В., 2003. Некоторые черты погребального обряда рязано-окских могильников // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань.
- Белоцерковская И. В., в печати, а. Предметы черняховского круга из рязано-окских могильников.
- Белоцерковская И. В., в печати, б. Уникальный сосуд из могильника Заречье // II Городцовские чтения. Мат. конф.
- Белоцерковская И. В., Ахмедов И. Р., 1996. О кошибеевской культуре // СА. № 4.
- Генинг В. Ф., 1963. Азелинская культура III–IV вв. // ВАУ. Ижевск. Вып. 5.
- Генинг В. Ф., 1979. Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н. э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. Вып. 158.
- Голдина Р. Д., 1999. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск.
- Ефименко П. П., 1926. Рязанские могильники: опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // Материалы по этнографии. Т. 3. Вып. 1. Л.
- Малашев В. Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1. Ростов.
- Шумов В. Н., 1988. Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В. Н. Глазова в 1902 г.) // Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып. 93.
- Godlowski K., 1970. The chronology of the late Roman and early migration periods in Central Europe. Krakow.
- Martin M., 1991. Zur Frühmittelalterlichen Gürteltracht der Frau in der Burgundia, Francia und Aquitania // L'art des invasions en Hongrie et en Wallonie. Actes Coll. Mus. Royal de Mariemont.
- Ol'dzky M., 1999. The Upper Tisza Basin in the roman period. Remarks on settlement and cultural changes // J. Tejral (Hrsg). Das mitteleuropäische Barbaricum und die Krise des römischen Weltreiches im 3. Jahrhundert. Spisy Arch. Ústavu AV â R 12. Brno.
- Quast D., 1999. Auf der Suche nach fremden Männern — Die Herleitung schmalen Langsaxe vor dem Hintergrund der alamanisch-donauländischen Kontakte der zweiten Hälfte des 5. Jahrhunderts // Germanen beiderseits des spätantiken Limes. Spisy Arch. Ústavu AV â R 14. Brno.
- Schmauder M., 2002. Oberschichtgräber und Verwahrfunde in Südosteuropa im 4 und 5. Jahrhundert // Archaeologia Romanica III. Bukarest. Bd. I.
- Scukin M., Bazan I., 1995. L'origine du style cloisonné l'époque des grandes migrations // La noblesse Romaine et les chefs barbares du III au VII siècle. (Mémoires publiées par A.F.A.M. T. IX.)
- Tejral J., 1986. Fremde Einflüsse und kulturelle Veränderungen nördlich der mittleren Donau zu Beginn der Völkerwanderungszeit // Archaeologia Baltica. T. VII.
- Tejral J., 1997. Neue Aspekte der Frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonaunraum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im Mittleren Donaunraum. Spisy Arch. Ústavu AV â R 8. Brno.
- Werner J., 1980. Der goldene Armring des Frankenkönigs Childerich und die germanischen Handgelenkringe der jüngeren Kaiserzeit. Frühmittelalterliche Studien, 14. Münster.

Житницы аш-тигоров и палеоклимат VII–XII вв. на Северном Кавказе

Этноним «аш-тигор», как племенное образование, располагавшееся на Северном Кавказе, упоминается в «Армянской географии» VII в., автором которой считается Ананий Ширакаци. Наибольшее распространение получили две версии перевода этого источника с древнеармянского языка. Первая из них в 1877 г. опубликована К. Паткановым на русском языке (Патканов, 1877). Второй перевод был сделан в 1881 г. А. Сукри на французский язык. Уже в 1887 г. известный русский иранист В. Ф. Миллер пришел к выводу о том, что первая часть этнонима аш-тигор — «аш» соответствует этнониму ос (современные осетины), а вторая часть — «тигор» соответствует дигорцам (западная ветвь современных осетин) (Миллер, 1887, с. 105–106). Эта точка зрения была позже подтверждена В. И. Абаевым (Абаев, 1958, с. 79–80), Ю. С. Гаглойти (Гаглойти, 1966, с. 155–166), А. В. Гадло (Гадло, 1979, с. 164–165), А. Алеманем (Алемань, 2003, с. 367–371) и многими другими исследователями. После нового перевода «Армянской географии», сделанного С. Т. Еремяном в 1963 г. на современный армянский язык, где дигорцы, аш-тигорцы и аланы в этническом отношении представлены как единое целое (Волкова, 1973,

с. 110–111), принадлежность аш-тигоров к осетинскому миру практически никем серьезно не оспаривается. Иной точки зрения, пожалуй, придерживались только некоторые сторонники тюркоязычности аланасов (Биджиев, 1983, с. 105; Мизиев, 1985, с. 200–205), но их взгляды не были приняты научным сообществом (Кузнецов, Чеченов, 2000, с. 34–45, 93–98). Существуют различные точки зрения по вопросу географии расположения аш-тигоров на Северном Кавказе по отношению к локализации упомянутым в том же источнике аланам, дигорам и агванам-аланам. Если В. А. Кузнецов в 1962 г. размещал аш-тигоров в районе верхнего Прикубанья (Кузнецов, 1962, с. 72–73) и связывал с ними археологические памятники западного варианта аланской культуры, то недавно К. Цукерман предположил, что аш-тигоры должны быть локализованы немного восточнее, в предгорьях междуречья Подкумка и Баксана (Zuckerman, 2000). Возникают вопросы: какие археологические памятники VII в. в этом регионе могут быть связаны с племенным образованием аш-тигоров? Как они локализованы в границах природно-ландшафтных территорий и распределены по вертикальной зональности? Есть ли в этих локализации и распределении

какой-то исторический смысл? В попытке найти ответы на эти вопросы обратимся к археологическим объектам бассейна верхнего Подкумка — к Кисловодской котловине.

Исторические памятники Кисловодской котловины стали привлекать внимание исследователей задолго до того, как этот регион официально вошел в состав Российской империи. Достаточно вспомнить путешествие Эвлия Челеби, совершенное в эти места в 1666–1667 гг., оставившего красочное описание городища Бургустан — Рим-горы (Челеби, 1979, с. 90–91). В 1810 г. С. М. Броневский приводит краткое географическое описание окрестностей Кисловодска и близлежащих абазинских Жинтемировских селений, упоминающая древний «франкский» город Бургу-сак (Броневский, 2004, с. 145). Список исследователей региона в XIX в. представлен многими известными в исторической науке именами. Это — Ф. Д. де Монпере, А. Фиркович, А. С. Уваров и П. С. Уварова, Д. Я. Самоквасов, М. М. Ковалевский, Н. Е. Макаренко и ряд других. В первой половине XX века исследовательскую эстафету поддержали В. Р. Апухтин, А. Н. Грен, А. А. Бобринский, Д. М. Павлов, Н. М. Егоров, А. А. Иессен, С. Н. Замятнин, В. В. Бобин, а во второй половине

XX в. она перешла к Е. И. Крупнову, В. А. Кузнецову, В. И. Марковину, В. И. Козенковой, В. Б. Виноградову, М. П. Абрамовой, В. Б. Ковалевской, к их ученикам и преемникам, многие из которых продолжают плодотворно работать и в настоящее время. Ну и, конечно, следует отметить деятельность краеведов А. П. Рунича, Н. Н. Михайлова и М. И. Рыбенко (Афанасьев, Савенко, Коробов, 2004, с. 9–49) по спасению археологического наследия, гибнущего на новостройках региона. В итоге этих исследований археологические памятники Кисловодской котловины получили свою этнокультурную атрибуцию. И здесь особое место занимают ранне-средневековые древности.

К концу 80-х годов прошлого столетия раннесредневековые памятники Кисловодской котловины получили историческую интерпретацию с достаточной для того времени глубиной. Прежде всего, был выявлен основной массив памятников и определена их относительная и абсолютная хронология. Выясняется, что предки раннесредневекового населения появляются здесь уже в сарматское время. После гуннского нашествия они становятся носителями так называемой аланской археологической культуры (сам термин «аланская археологическая культура» не означает, что ее носителями были исключительно аланы), в которой выделяются три стадии: раннеаланская (V–VII вв.), хазарская (VIII–IX вв.), позднеаланская (X–XII вв.). Были установлены основные типы раннесредневековых погребальных сооружений и намечена их этнокультурная атрибуция. Сделаны попытки осветить узловые моменты социально-политической истории раннесредневекового населения, такие как заселение Кисловодской котловины, демографический взрыв VI–VII вв., основы социальной организации общества (семья, патронимия), миграционные процессы в середине VIII в.

Вместе с явными успехами в области исторической интерпретации археологического материала к концу

80-х годов все более четким становилось понимание того, что простое механическое накопление археологических данных уже не приводит исследователей к какому-то новому знанию исторических процессов, протекавших в данном регионе в раннем средневековье. Для выхода из сложившейся ситуации требовались совершенно иные методические подходы к сбору археологического материала. Ведь не секрет, что основная масса памятников в Кисловодской котловине была обнаружена в тех местах, которые считаются наиболее популярными для организации краеведческих экскурсий и занятий горным туризмом. Следовательно, топография известных в то время памятников отражала не реально существовавшую действительность, а интенсивность обследования того или иного участка региона. Таким образом, прежде всего, необходимо было ликвидировать белые пятна на археологической карте, а также зафиксировать с помощью приемника GPS точные географические координаты как уже известных, так и вновь открытых памятников аланской культуры.

Требовались совершенно новые методические процедуры хранения и исследования археологического материала. Но самое главное состоит в том, что новая методика должна отвечать современным требованиям мультидисциплинарного исследования археологического объекта в рамках ландшафтной археологии: археологический памятник — природное окружение — палеоклимат. Встал вопрос и о правомерности этнокультурной интерпретации некоторых археологических объектов, сделанной ранее с использованием метода аналогий или простой экстраполяции на местную среду выводов, полученных в других регионах Восточной Европы. Прежде всего, это относится к тем элементам археологической культуры, которые считались ранее этномаркирующими для протоболгарских племенных групп (Афанасьев, Лопан, 1996). Кроме того, как уже отмечалось выше, появились новые трак-

товки письменных источников о локализации племен аш-тигоров на Северном Кавказе, в частности, аргументировано их размещение в районе Кисловодской котловины (Zuckerman, 2000).

С целью мультидисциплинарного изучения археологических памятников Кисловодской котловины методами ГИС- и ДЗ-технологий была создана археолого-географическая информационная система «Кисловодск». Подробное описание этой системы приводится в коллективной монографии (Афанасьев, Савенко, Коробов, 2004, с. 60–62). Там же заинтересованный читатель может найти результаты пространственного моделирования зон ответственности укреплений аланских племен, установления значимых региональных границ, изучения взаимосвязи укреплений с речной сетью и с горными хребтами, окружающими котловину (Афанасьев, Савенко, Коробов, 2004, с. 62–66). Были также проведены подсчеты средних расстояний между раннесредневековыми укреплениями и исследована плотность их расположения, что позволило выделить три зоны с наибольшей концентрацией памятников (в районе Горного Эха, в междуречье Ольховки и Кабардинки и у укреплений Красное Солнышко и Туркмения). Вывод о существовании на правом берегу Подкумка в V–IX вв. трех зон наибольшей концентрации укреплений эпохи раннего средневековья удачно территориально соотносится с топографией известных в Кисловодской котловине позднесарматских памятников (рис. 1). С первой зоной в большей или меньшей степени сопряжены такие позднесарматские могильники, как Мачты, Замковый 1, Клинь-Яр 3, Малый Клинь-Яр 1. Со второй зоной сопряжены погребения позднесарматского времени Буденновская Слобода, Кругозор, Церковная Горка, Аэрофлот, Театральный. Исходя из этого, можно высказать предположение о том, что центральные памятники в среде укреплений V–IX вв. в Кисловодской котловине формировались в тех ме-

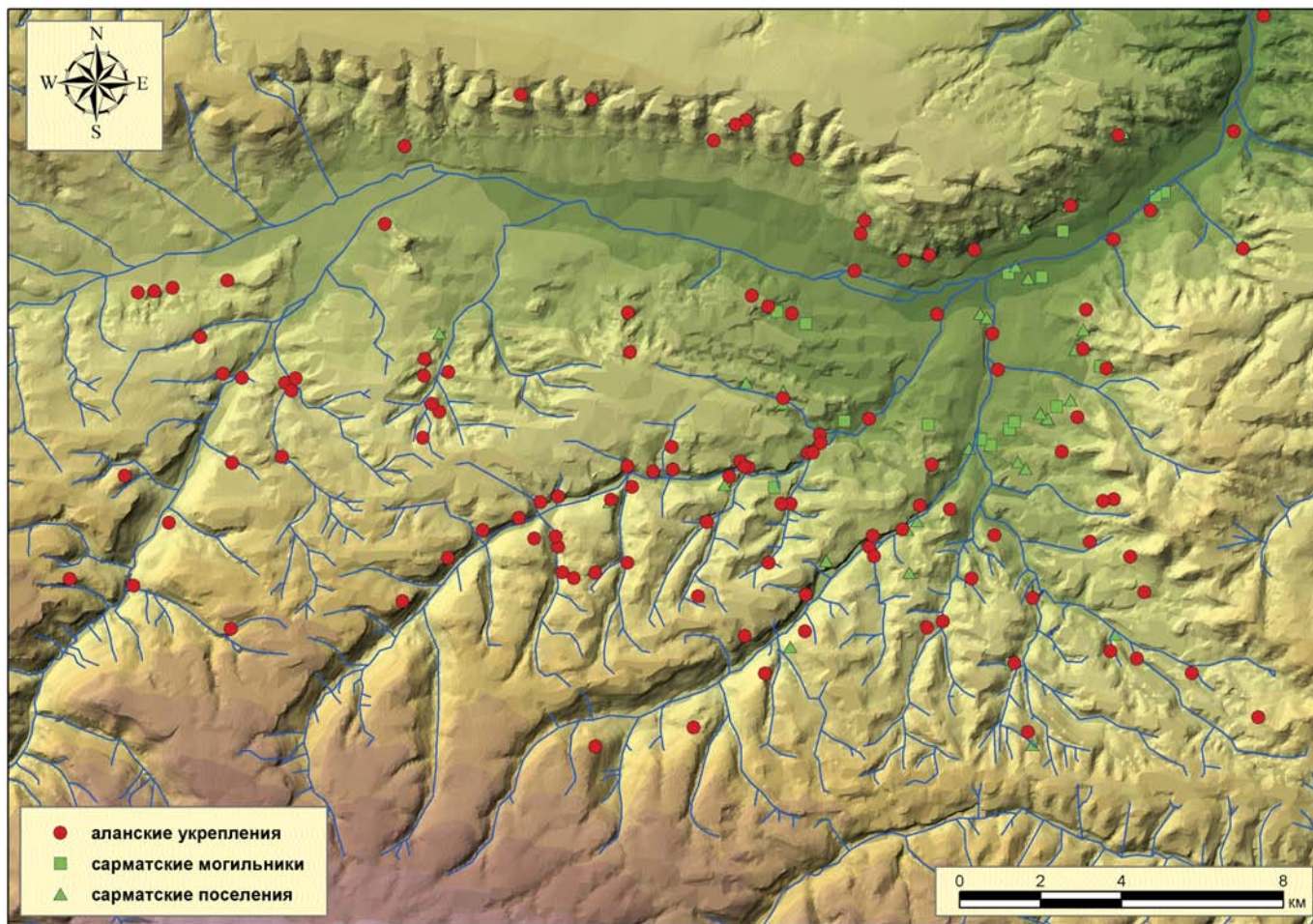

Рис. 1. Карта сопряженности укреплений раннеаланского времени и могильников и поселений сарматского времени

стах, где обитало население предшествующего, позднесарматского времени.

Связь древних поселений с экологической средой вызывает постоянно растущий интерес ученых, т. к. позволяет значительно повысить информативность археологического материала путем выделения потенциальных экономических зон, отражающих различные стороны человеческой деятельности. Первичное выделение подобных зон для аланских укреплений было осуществлено методом построения полигонов Тиссена (Афанасьев, Савенко, Коробов, 2004, с. 67–69), что является первым шагом палеоэкономического моделирования. Далее для каждого конкретного полигона необходимо будет определить размеры сельскохозяйственных угодий, источники воды и

по возможности — топлива. Решение всех этих вопросов осложняется тем обстоятельством, что даже в настоящее время климатические характеристики в различных точках Кисловодской котловины значительно отличаются друг от друга, что определяет и особенности ведения хозяйства в том или ином регионе. Было бы ошибкой просто экстраполировать современную ситуацию с сельскохозяйственным землепользованием в регионе на эпоху раннего средневековья. Следовательно, выявляя и оценивая следы землепользования эпохи раннего средневековья (прежде всего террасного), мы должны их увязывать с палеоклиматическими особенностями Кисловодской котловины в I тыс. н. э.

При рассмотрении хорошо известной из этнографии (Калоев, 1981,

с. 62–64) проблемы северокавказского террасного земледелия, прежде всего, возникают три вопроса. Во-первых, отсутствует археологическая аргументация, позволяющая судить о времени начала строительства земледельческих террас в Центральном Предкавказье. Во-вторых, остается неопределенной степень распространения, широта или характерность подобной сельскохозяйственной техники для раннесредневековых обитателей региона. В третьих, не ясны причины, по которым для сельскохозяйственных нужд устраивались именно трудоемкие и дорогостоящие террасные поля, а не использовались широкие открытые пространства плоскогорий, как это имеет здесь место в настоящее время. Попробуем ответить на эти вопросы путем анализа информации о террасах в Кисловод-

Рис. 2. Раннесредневековые укрепления в долине реки Перепрыжки в окружении участков террасного земледелия. Вид с северо-востока.

ской котловине, которая оставалась практически незаселенной на протяжении почти 400 лет, с XIV по XVIII в. (за исключением небольших абазинских Жинтемировский селений), что создает уникальные условия для исследований в рамках ландшафтной археологии.

Проведенные независимо друг от друга полевые и кабинетные исследования (Афанасьев, 2002, с. 252–255; Коробов, 2004) позволяют ответить на первый поставленный вопрос — о датировке террас. Сделанные наблюдения приводят к твердому убеждению, что больше всего имеется оснований связывать остатки земельных террас с раннесредневековыми укреплениями (рис. 2). Одновременно находится ответ и на второй вопрос. Количество и плотность террас, зафиксированных в долинах

Эшкакона и Аликоновки близ раннесредневековых аш-тигорских укреплений, наглядно свидетельствует о чрезвычайно широком распространении этой земледельческой техники у населения региона.

Остается найти ответ на третий вопрос: а зачем были нужны террасы? Ведь в настоящее время для сельскохозяйственных нужд здесь широко используются равнинные территории котловины. Причина террасного размещения сельскохозяйственных угодий и их структура, несомненно, требовавшая больших трудозатрат при организации и освоении, вызывают определенный интерес. Сельскохозяйственные угодья раннего средневековья непосредственно соседствуют с зонами относительно равнинной местности, кото-

рым о ведении сельского хозяйства, более удобны для освоения — например, вследствие морфологии (малые уклоны), хорошей освещенности, транспортной доступности, меньших трудозатрат на освоение и т. п. Поэтому определение причин приурочивания зон сельскохозяйственной деятельности носителей аланской археологической культуры к достаточно крутым склонам, по нашему мнению, позволит раскрыть неизвестные закономерности в поведении человека эпохи раннего средневековья, особенности его взаимосвязей с окружающей палеосредой и интерполировать полученные знания (в частности для оценки хозяйственной и рекреационной комфортности) как других палеоландшафтов, так и современных природно-территориальных комплексов. Концептуально вынос зо-

ны сельскохозяйственного земледелия на достаточно крутые склоны и их террасирование в древние эпохи могут быть обусловлены рядом причин. В частности, это может объясняться сдвигом границ ландшафтных зон, например сильной залесенностью выположенных участков и борьбой с эрозией и сносом почвенного покрова на склонах (гумидный тип микроклимата на исследованной территории). Или борьбой за сохранение влаги в почве и верхнем слое измельченной материнской породы на склонах в связи с засушливым характером климата на открытых выположенных участках (аридный тип микроклимата).

В целях подтверждения той или иной концепции Г. Е. Афанасьев, А. В. Кислов и А. В. Чернышев поставили перед собой задачу с достаточной долей достоверности установить устойчивость ландшафтов и их границ на исследуемой территории к возможным флуктуациям климатических параметров, т. е. выполнить моделирование состояний микроклимата в зависимости от пространственно-временных изменений глобального климатического процесса (Афанасьев, Кислов, Чернышев, 2002, с. 66–79). Кроме того, учитывая пространственный аспект исследуемых объектов, необходимо иметь возможность оценить динамику и характерные особенности процесса ландшафтообразования с использованием адекватных картографических моделей, т. е. выполнить математико-картографическое моделирование состояний ландшафтов в зависимости от изменений климатических факторов. Решение задачи включало следующие этапы: построение цифровой картографической основы на базе среднemasштабных топографических карт исследуемой территории; расчет основных морфометрических показателей (крутизна склонов, экспозиция и закрытость горизонта) для элементарных территориальных объектов, отнесенных к сетке квадратов 0,5 × 0,5 км; моделирование микроклиматических показателей на период

2000 г. и оценка их адекватности реальным данным; определение типов ландшафтов и их границ по данным микроклиматического моделирования и их картографирование; моделирование гипотетического («возмущенного») климата, оценка и картографирование соответствующей ему ландшафтной обстановки; структурирование баз данных и картографических моделей в виде специальной геоинформационной системы.

Моделирование локальных особенностей климата (Афанасьев, Савенко, Коробов, 2004, с. 78–80) с определенной долей вероятности показало, что исследуемая территория в климатическом отношении является устойчиво-аридной зоной даже при значительных колебаниях мезоклимата, а террасы на склонах форм ниже высотной границы 1500 м, скорее всего, выполняли функции влагонакопительных барьеров (по аналогии, например, с сельскохозяйственными террасами в горных районах Крыма, возделываемыми и в настоящее время).

Предположение о том, что смоделированные характеристики «возмущенного» палеоклимата в Кисловодской котловине действительно могли иметь место в раннем средневековье, находит яркое подтверждение на сопредельной территории, в долине нижней Кубани. Там, на Таманском полуострове, в результате палинологического анализа и ландшафтно-климатической реконструкции группе исследователей удалось выделить специфическую фазу субатлантического периода, датируемую VII–XII вв. н. э., которая отличалась самой значительной аридизацией климата за весь период голоцена на протяжении последних 6000 лет (Болховская и др., 2002, с. 265). Резкое потепление и значительное иссушение климата в VII–XII вв. привело на Тамани к почти полному исчезновению лесных экотопов и господству злаковых и полынно-маревых степей. Вывод о сильной аридности климата в VII–XII вв. в Предкавказье подтверждается и исследованиями в области колебаний уровня Кас-

пия, установленные Л. Н. Гумилевым (Гумилев, 1966, с. 88; 1970, с. 85–94). Р. Д. Арсанукаев высказал точку зрения о том, что само сложение и развитие аланской археологической культуры в предгорьях Северного Кавказа сопряжено с изменением климата в северокавказских степях в сторону аридности и сопутствующим понижением уровня Каспийского моря — Дербентской регрессией IV–XIII вв. (Арсанукаев, 2002, с. 233). Все это хорошо укладывается в понятие «архызский перерыв» или «малый климатический оптимум» VII–XIII вв., характерный для большинства регионов Европы (Борисенко, Пасецкий, 1988). Более того, у палеоклиматологов есть основания полагать, что в это время аридность была характерна для всего северного полушария Земли. В пользу этого говорят колонки льда Гренландии, датированные VIII в., с чрезвычайно низким содержанием аммония (что говорит о слабой растительности). О чрезвычайной аридности климата в середине III — начале V в. и в VIII в. н. э. свидетельствуют дендрохронологические данные археологических находок Германии (Schmidt, Gruhle, 2003), лесов Швеции (Briffa, Trees...), донные отложения озер Юкатана в Мексике и многие другие источники.

Располагая данными о функциональной дифференциации ранне-средневековых сельскохозяйственных угодий, а также инструментом для палеоклиматического моделирования в каждой конкретно выбранной точке Кисловодской котловины, мы, как представляется, можем перейти к следующему шагу — палеоэкономическому моделированию, основанному на изучении потенциальных экономических зон, связанных с тем или иным аш-тигорским укреплением. В этом отношении весьма полезной может быть разработанная Г. Е. Афанасьевым, А. В. Кисловым и А. В. Чернышевым в рамках проекта РФФИ № 02-06-80047-а методика анализа биопродуктивности землепользования в Кисловодской котловине в раннем средневеко-

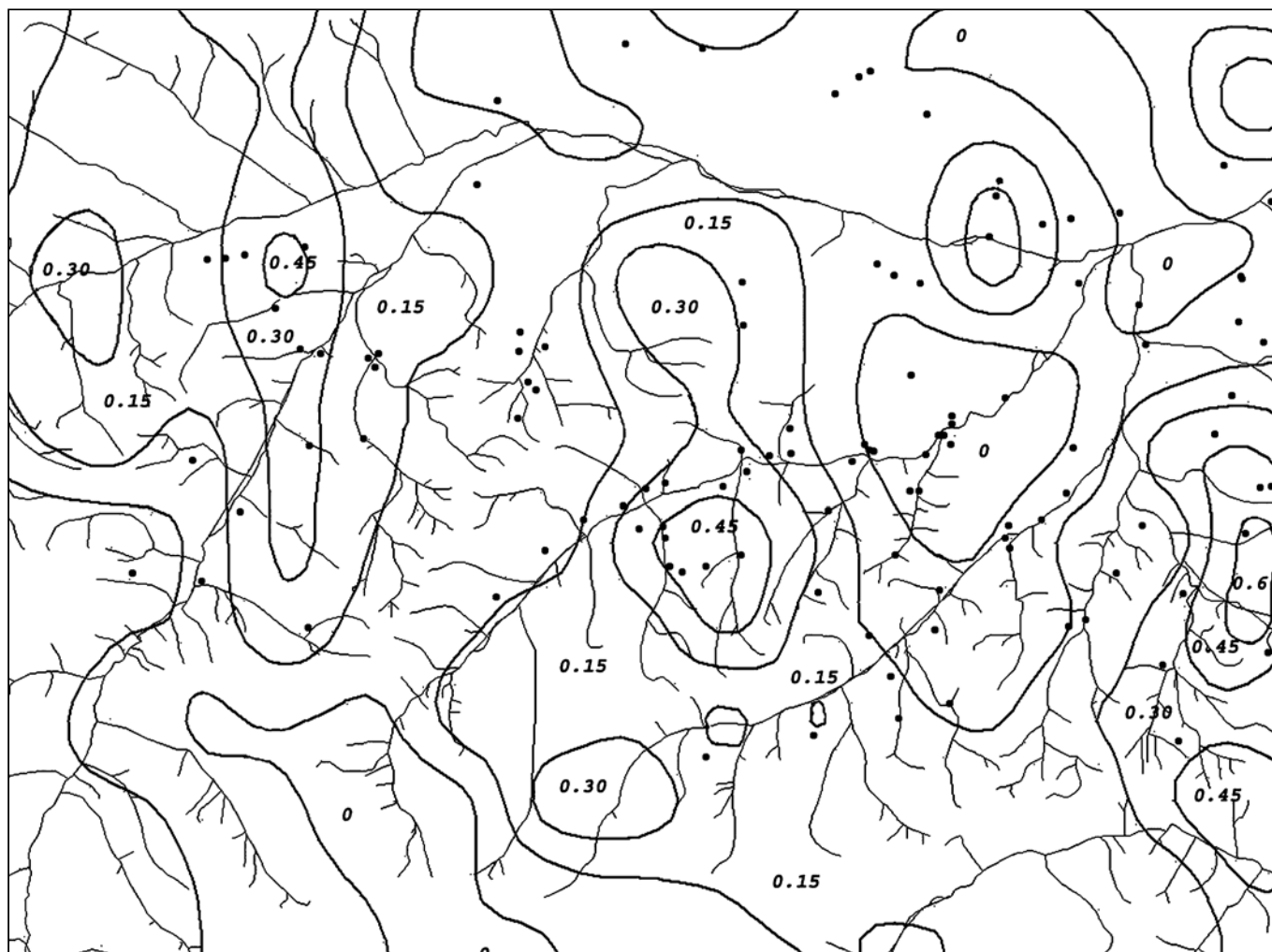

Рис. 3. Анализ биопродуктивности Кисловодской котловины при «возмущенном» климате.

вье, основанная на математико-картографическом моделировании биоклиматических показателей в палеовремени. Цель этой работы — выработать надежные методы пространственной оценки отклика биоклиматической продуктивности растительного покрова исследуемой территории на климатические изменения, смоделированные для времени существования аланской культуры в Кисловодской котловине. Биопродуктивность — широко применяемый комплексный показатель, характеризующий состояние ландшафта, в особенности растительный покров. Численно биопродуктивность оценивается как отношение совокупной растительной массы к единице площади (ц/га). В основу оценки может быть положена зависимость общей

биопродуктивности от изменения набора климатических факторов, рассчитанных с учетом природно-зональных особенностей исследуемых территорий. Получение значений первичной биопродуктивности возможно при использовании моделей глобального (локального) климата. При этом состав климатических параметров подбирают на основе известных или смоделированных для заданных временных интервалов функциональных соотношений компонентов системы почва — растительность — климат.

В процессе решения задачи выполнены следующие этапы: — расчет независимых переменных с использованием модели климата, приведенной к заданным параметрам времени и локальных условий; определение

функций первичной биопродуктивности для объектов на сетке 0,5 × 0,5 км в пределах исследуемой территории; моделирование и картографирование полей биопродуктивности в современных и палеоусловиях, а также их разности. Анализ результатов исследования показал, что география биопродуктивности четко соотносится с факторами высотной поясности, как для модели современного климата, так и для модели палеоклиматических показателей. Так, например, сопоставление карт указывает на корреляцию интенсивности биопродуктивности с высотными градиентами рельефа для обеих моделей (в частности, хорошо просматриваются зоны различной интенсивности в интервалах 500 — 1300 м и 1300 — 2100 м). Здесь же выделяются районы низ-

кой и средней (до 8 ц/га) биопродуктивности, приуроченные в основном к долинам крупных речных систем, и районы значительного увеличения интенсивности биопродуктивности — как правило, горные склоны, имеющие значительный перепад высот для высотного диапазона исследуемого региона. Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет карта разностных значений биопродуктивности, рассчитанных по первой и второй моделям (рис. 3).

Главный вывод, который следует из анализа биопродуктивности территории Кисловодской котловины для современного и «возмущенного» климата, состоит в том, что как в первом, так и во втором случаях наибольшая биопродуктивность наблюдается на горных склонах и склонах делювиальных возвышенностей, т. е. там, где фиксируются остатки ранне-средневековых сельскохозяйственных террас. Следовательно, весьма вероятно, что устройство террасных полей на склонах гор и на склонах делювиальных террас отражает понимание аш-тигорским населением того, что биопродуктивность склоновых полей значительно выше, чем равнинных, а это понимание могло возникнуть только на базе многовекового опыта практического сельскохозяйственного освоения данного региона, и оно свидетельствует о высочайшем уровне земледельческих знаний.

Анализ карты разностных значений биопродуктивности наглядно демонстрирует несколько ареалов высокого значения этого показателя. Наибольшее значение разности биопродуктивности — порядка 60% — имеет территория подошвы Джинальского хребта. В этом месте располагается целая группа памятников эпохи раннего средневековья вокруг знаменитого укрепления Лермонтовская Скала. Помимо участков террасного земледелия, обозначенных цифрой «2» на рис. 4, в непосредственной близости от укрепления имеется большое количество памятников предшествующей сарматской эпохи. Наиболее известные из них —

Рис. 4. Фрагмент аэрофотоснимка окрестностей Лермонтовской Скалы. 1. Укрепление Лермонтовская Скала; 2. Участки террасного земледелия.

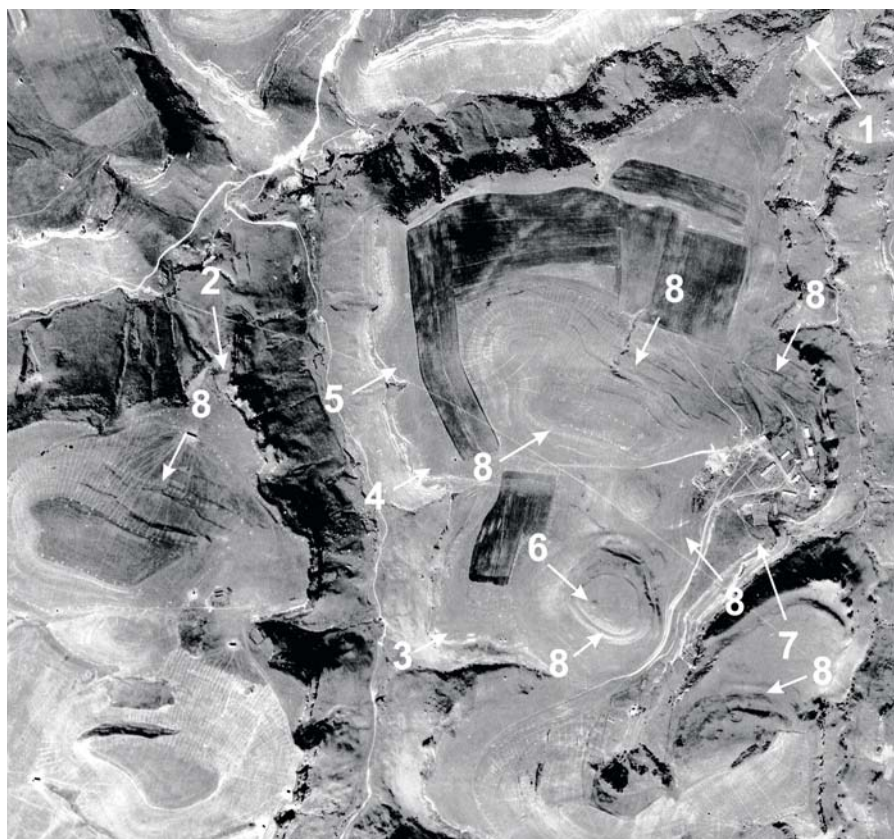

Рис. 5. Фрагмент аэрофотоснимка памятников между Конхуторской и Медовой балками. 1. Конхуторское 1; 2. Медовое; 3–5. Медовые Правобережные 1–3; 6. Эчкивашское; 7. Конхуторское 2; 8. Участки террасного земледелия.

уже упомянутые выше могильники Кругозор, Церковная Горка, Театральный, Аэрофлот, а также поселения Красные камни, Первомайская поляна и у санатория «Москва». Все эти памятники попадают в ареал высокой разности биопродуктивности (30–60%). Косвенно данный факт может свидетельствовать о более раннем времени освоения этого выгодного в сельскохозяйственном отношении микрорегиона.

Далее на запад с показателем разности биопродуктивности в 45% располагается территория между Конхуторской и Медовой балками, где были обнаружены многочисленные укрепления и поселения эпохи раннего средневековья. Это укрепление и поселение Конхуторское 1, укрепления Медовые Правобережные 1–3, Эчкивашское и Конхуторское 2 в окружении террасных полей (рис. 5). Такой же биопродуктивностью обладает район вокруг укрепления и поселения Первомайское 1, которые также окружены многочисленными участками древнего террасного земледелия (Афанасьев, Савенко, Коробов, 2004, рис. 26). Весьма вероятно, что эти три микрорегиона играли роль главной житницы аш-тигорского населения Кисловодской котловины.

Вызывает несомненный интерес тот факт, что практически нулевая разность биопродуктивности приходится на микрорегион вокруг горо-

дища Горное Эхо (Отстойник). Выше уже говорилось о том, что в этом месте сконцентрировано наибольшее количество укреплений и могильников раннеаланской эпохи. Центральное место Горного Эха (Отстойник) в системе аш-тигорских древностей региона уже подчеркивалось исследователями. Авторы многолетних раскопок на этом памятнике считают возможным интерпретировать его как одну из резиденций аланского царя Сарозия, правившего в 50–70-е годы VI в. (Аржанцева, Савенко, Сычев, 2003, с. 9). Очевидно, что высокая плотность могильников вокруг городища Горное Эхо (Отстойник) в сочетании с реконструируемой низкой биопродуктивностью данного микрорегиона позволяют говорить о другой, не сельскохозяйственной, функции данного памятника, вероятно, выполнявшего роль своеобразного административного центра для населения котловины.

Изложенное приводит к выводу о том, что в настоящее время созданы методические условия и накоплены достаточная база данных для разработки крупной научной темы по исследованию социально-экономической истории раннесредневекового населения Кисловодской котловины, основанной на междисциплинарных исследованиях. Она может включать следующие направления: моделирование зон ответственности

выявленных в Кисловодской котловине раннесредневековых укреплений — полигонов Тиссена; расчеты биопродуктивности каждой из выделенных зон и их сравнительный анализ; выявление в каждом из полигонов сельскохозяйственных угодий с их функциональной дифференциацией (земледельческие террасы, пастбища, источники воды и т. д.) и последующим сравнительным типологическим анализом полигонов; палеоэкономическое моделирование для каждого из полигонов с их последующим сравнительным анализом; исследование хронологической и функциональной связи между укреплениями и поселениями в каждом из полигонов; моделирование и сравнительный анализ системы поселений V–IX вв. и системы поселений X–XII вв.; исследование динамики системы расселения носителей катакомбного обряда погребения и динамики системы расселения носителей скального обряда погребения. Решение этих научных задач будет способствовать не только более глубокому пониманию исторических процессов, протекавших на территории Кисловодской котловины в I тыс. н. э., но также более глубокому исследованию той роли, которую играло аш-тигорское население этого региона в раннесредневековой истории Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абаев В. И., 1958. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Том 1. М., Л.
- Алемань А., 2003. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.
- Аржанцева И. А., Савенко С. Н., Сычев А. А., 2003. Кисловодский археологический музей под открытым небом «Горное Эхо». Основы концепции. Кисловодск.
- Арсанукаев Р. Д., 2002. Вайнахи и аланы. Баку. 2002.
- Афанасьев Г. Е., 2002. Разведки в Кисловодской котловине // АО 2001.
- Афанасьев Г. Е., Кислов А. В., Чернышев А. В., 2002. К проблеме террасного земледелия на Северном Кавказе (новые методические подходы) // ОПУС: Междисциплинарные исследования в археологии: Сб. статей. Вып. 1–2. М.
- Афанасьев Г. Е., Лопан О. В., 1996. Об одном исследовательском парадоксе в поисках этномаркирующих признаков протоболгар // XIX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. М.
- Афанасьев Г. Е., Савенко С. Н., Коробов Д. С., 2004. Древности Кисловодской котловины. М.

- Биджиев Х. Х., 1983. Хумаринское городище. Черкесск.
- Болховская Н. С., Горлов Ю. В., Кайтамба М. Д., Мюллер К., Поротов А. В., Парунин О. Б., Фуаш Э., 2002. Изменения ландшафтно-климатических условий Таманского полуострова на протяжении последних 6000 лет // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XII. М., Магнитогорск.
- Борисенко Е. П., Пасецкий В. М., 1988. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.
- Броневский С. М., 2004. Новейшие известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. СПб.
- Волкова Н. Г., 1973. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.
- Гаглойти Ю. С., 1966. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси.
- Гадло А. В., 1979. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.
- Гумилев Л. Н., 1966. Открытие Хазарии. М.
- Гумилев Л. Н., 1970. Место исторической географии в востоковедных исследованиях // Народы Азии и Африки. № 1.
- Калоев Б. А., 1981. Земледелие народов Северного Кавказа. М.
- Коробов Д. С., 2004. Применение ГИС и аэрофотосъемки при картографировании следов древнего земледелия в Кисловодской котловине // Круглый стол «Геоинформационные технологии в археологических исследованиях» (Москва, 2 апреля 2003 года). Сборник докладов. М. CD-ROM.
- Кузнецов В. А., 1962. Аланские племена Северного Кавказа. М.
- Кузнецов В. А., Чеченов И. М., 2000. История и национальное самосознание. Владикавказ.
- Мизиев И. М., 1985. Хумара — город древних болгар // Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск.
- Миллер В. Ф., 1887. Осетинские этюды. Часть третья. Исследования. М.
- Патканов К., 1877. Армянская география VII в. н. э. СПб.
- Челеби Э., 1979. Книга путешествия. Вып. 2. М.
- Briffa K. R., 1979. Trees as indicators of climate change // Internet: <http://www.cru.uea.ac.uk/cru/annrep94/trees/index.htm>
- Schmidt B., Gruhle W. Klimaextreme in römischer Zeit. Eine Strukturanalyse dendrochronologischer Daten // Archäologisches Korrespondenzblatt. 33. Heft 2. Mainz.
- Zuckerman C., 2000. À propos du Livre des cérémonies, II, 48: I. Les destinataires des lettres impériales en Caucasic de l'Est. II. Le problème d'Azia/Asia, le pays des Ases. III. L'Albanie caucasienne au Xe siècle // Travaux et Mémoires. 13. 2000.

Гапоновский клад и малоизвестные события раннесредневековой истории Поднепровья

В 1994 г. в долине р. Сейм был найден очень редкий археологический комплекс. Это клад, содержащий набор украшений эпохи раннего средневековья. Он происходит с древнего поселения со слоями раннего железного века (VI в. до н. э. — рубеж н. э.) и V—VII вв. н. э., которое находится в 2,5 км к северо-востоку от северной окраины с. Гапоново (Краснооктябрьское) Корнеевского р-на Курской обл., на территории пионерского лагеря завода по производству низковольтной аппаратуры «Рубильник».

В июне 1994 г. именно здесь, в бывшем пионерском лагере, находилась база Левобережной раннеславянской экспедиции Института археологии РАН.

Как и почти все подобные комплексы, клад был найден случайно: местными рабочими во время прокладки водопровода к бане пионерлагеря. Присутствовавшей в это время на базе заведующей камеральной лабораторией экспедиции Е. Ю. Архиповой (весь наличный состав находился на раскопках поселения позднеримского времени «10-й Октябрь») удалось зафиксировать место находки и собрать большинство предметов. Впоследствии, при деятельной помощи директора завода С. Л. Рохлина и археологов из Курска В. В. Енукова

и А. Н. Апалькова, у рабочих удалось получить недостающие вещи. Клад, таким образом, дошел до нас практически целиком, что случается крайне редко. Большинство кладов попадает в руки археологов разрозненными, поэтому реконструкция их состава, как правило, представляет собой достаточно сложную проблему для специалистов.

Сразу после находки клада на этом месте экспедицией были проведены раскопки. Выяснилось, что он был зарыт в культурном слое поселка колочинской культуры V—VII вв., но около скопления вещей не было никаких следов одновременных кладу сооружений (хозяйственных построек, жилищ, погребений), а сами предметы в древности были либо завернуты в ткань, либо положены в мешок. Отпечатки ткани (холста прямого плетения) сохранились на окислах, покрывавших некоторые украшения. Результаты раскопок поселения и входившие в состав клада вещи полностью опубликованы (Гавритухин, Обломский, 1996).

В клад входит 411 предметов, в том числе не менее 2 комплектов женского убора, украшавшие пояса и, вероятно, узду металлические изделия т. н. «геральдического» стиля (форма многих бляшек и обойм от пряжек приближается к очертаниям

геральдических щитов), удила, слитки свинца, а также несколько вещей, назначение которых не совсем ясно. Большинство металлических украшений изготовлено из серебра (на одном наконечнике и одной накладке есть вставки голубого и бесцветного стекла) и бронзы, бусы — из разноцветного стекла, янтаря, коралла, конские удила — из железа, ряд вещей — из сплавов свинца.

Прямые данные для реконструкции функций предметов из клада отсутствуют. На протяжении всего I тыс. н. э. в лесной и отчасти лесостепной зоне Поднепровья господствовал обряд сожжения умерших, а наиболее точно роль предмета в уборе можно установить по расположению его на скелете. Так что функции вещей, найденных в Гапоново, можно определить лишь путем привлечения аналогий, что, конечно, не дает безусловно точных результатов. Одинаковые по форме вещи у разных народов могли использоваться по-разному. Тем не менее, ряд деталей убора можно восстановить с большой долей вероятности. Многие украшения из клада представляют собой вариации престижных вещей, распространенных довольно широко, хотя сочетание типов и категорий украшений в каждой из культур было своим. Основой для реконструкции как жен-

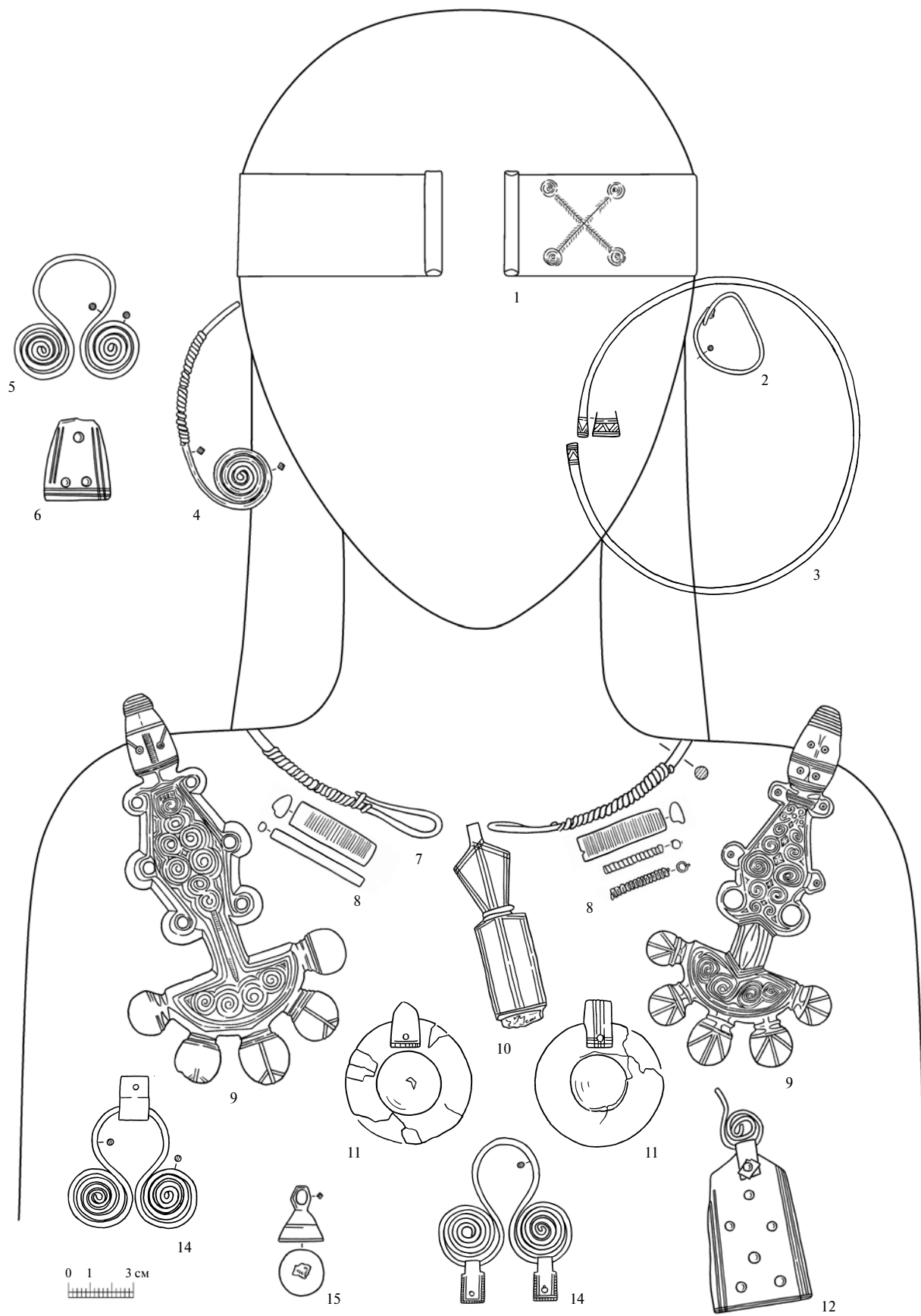

Рис. 1. Предположительное расположение типов вещей из Гапоновского клада.

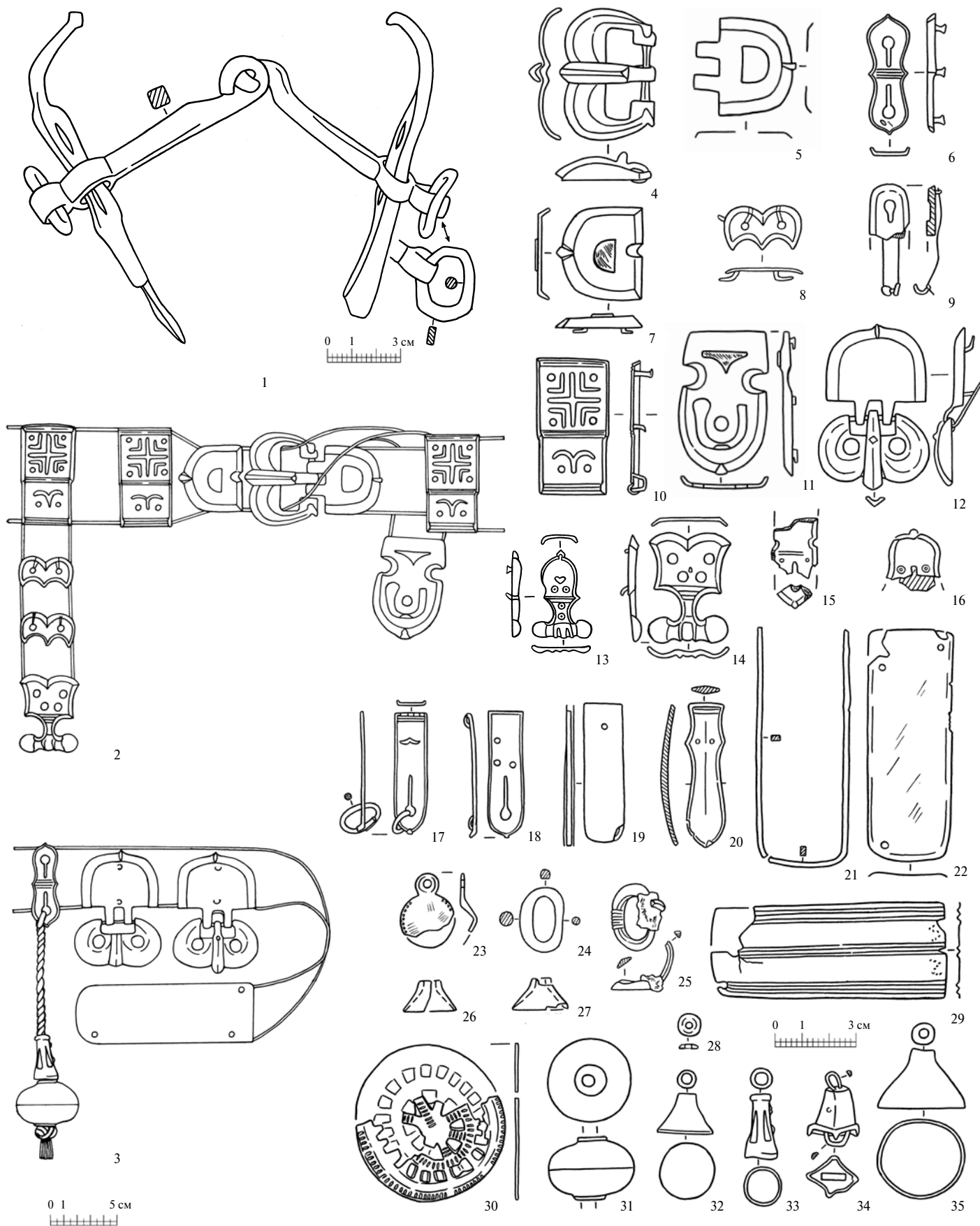

Рис. 2. Находки из Гапоновского клада.

1. Псалии; 2, 3. Реконструкция расположения металлических деталей поясных наборов; 4–35. Находки.

Рис. 3. 1. Широкопластинчатая фибула. Высота 9,5 см;
2. Пластинчатые трапециевидные подвески. Высота 7 и 7,1 см.

ских, так и мужских уборов Поднепровья служат изображения в византийских храмах, фрески Средней Азии, труположения из Подунавья, Крыма, Кавказа, Поволжья, Прибалтики.

В каждый из двух обнаруженных в кладе комплектов женских украшений входило по одному лобному венчику из широкой тонкой серебряной ленты (рис. 1, 1; 5). Их концы, закрученные трубочкой, скреплялись шнурами или ремешками. В женский (мужской?) убор входила носившаяся на шее гривна, напоминавшая обруч (рис. 1, 7). В кладе, кроме того, было

еще 10 обручей, но иного типа и меньших по диаметру (рис. 1, 3). Их расширенные окончания были ornamentированы насечками, расположенными «елочкой». Не исключено, что эти вещи использовались как височные кольца, т. е. украшения, подвешенные в районе висков к головному убору или волосам женщин. Такую же функцию, видимо, имели широкие кольца с одним из концов, закрученным в спираль (рис. 1, 4).

Платье или накидку застегивали на плечах массивные бронзовые литые фибулы, по конструкции напоминавшие современные броши (рис. 1, 9; 4). Они состоят из двух пластин, соединенных дужкой, иглы, ее пружины и приемника. Одна из пластин полукруглая, с выступами в виде лучей или пальцев (отсюда название таких фибул «пальчатые»), другая — ромбической или пятиугольной формы. Фибулы украшены рельефным

На обороте:
Рис. 4. Две пары пальчатых фибул. Высота 19 и 17,4 см.

Рис. 5. Лобные венчики из Гапоновского клада.

узором из спиралей, на конце ромбической пластины помещено схематичное изображение головы какого-то животного. В кладе таких фибул было 4 — две пары, а парные фибулы в V–VII вв. носили только женщины. Бронзовая фибула с пластинчатой дужкой и подвязным приемником для иглы могла застегивать ворот женской рубахи или плащ мужчины (рис. 1, 10).

Грудь, как правило у женщин, украшали бусы (в кладе их было 88, рис. 7), подвески из бронзы и серебра (в виде умбона щита, пластинчатые с чеканным орнаментом и «очковидные»; рис. 1, 11, 12, 14), конические колокольчики (рис. 1, 15), разнообразные пронизи, покрывавшие шнуры, на которых крепилось ожерелье (рис. 1, 8).

Особую группу вещей составляют металлические детали ременной гарнитуры. К ним относятся пряжка с обоймой (рис. 2, 4, 5), наконечники (рис. 2, 11, 20, 21, 22), разнообразные накладки (рис. 2, 6–8, 10, 13, 14), серия псевдопряжек (накладок на пояс, имитирующих пряжки, но с рамкой, не позволяющей продеть в отверстие ремень; рис. 2, 12). В состав клада входили, как минимум, 2

воинских пояса. Один из них, возможно, был «парадным», показателем статуса владельца, второй — портупейным (рис. 2, 2, 3). Мелкие пряжки и наконечники (рис. 2, 17–19, 24, 25) могли использоваться для подшивания снаряжения, принадлежать женщинам или иметь еще какую-то функцию. Накладки и наконечники, выполненные прессовкой (рис. 2, 9, 15, 16), скорее всего, украшали узду. Ей принадлежали и железные удила со специальными стержнями — псалиями (рис. 2, 1).

Гапоновский клад не единичен. Он является семнадцатым по счету из известных к настоящему времени комплексов с подобным сочетанием женских и мужских украшений (рис. 10). Распространены они на территории, включавшей лесостепную и часть лесной зоны Поднепровья. Первые такие клады (Мартыновский, Колосковский и др.) обнаружены в конце XIX в. Начало исследования этих комплексов связано с именем замечательного российского археолога А. А. Спицына, впервые обратившего внимание на их близость и выделившего в особую группу древностей VI–VII вв. Наиболее полное описание находок этого круга,

известных к 1970-м гг., принадлежит Г. Ф. Корзухиной (1996; о более поздних находках см. Гавриутхин, Обломский, 1996; Приходнюк, Падин, Тихонов, 1996). Набор вещей, близкий по составу кладам, происходит также из слоя пожара недавно исследованного А. А. Сединым городища Никодимово под Могилевом.

Относительно людей, которые носили уборы, включавшие металлические украшения, попавшие в клад, в российской историографии к 1970-м гг. было высказано несколько точек зрения. А. А. Спицын, например, считал, что эти уборы принадлежали антам, Б. А. Рыбаков — русам, М. И. Артамонов — кутригурам.

Анты — один из народов Восточной Европы раннего средневековья. Он описывается в византийских исторических сочинениях VI — начала VII в. и жившим в середине VI в. историком готов Иорданом. По этим сведениям анты родственны славянам («склавианам» в греческой и латинской огласовке), поскольку имеют общее происхождение, близкий язык, верования, быт. Занимали анты обширное пространство к востоку от Нижнего Дуная, часть лесостепного Поднепровья и Поднепровья,

Рис. 6. Орнамент на лобном венчике из Гапоновского клада, фрагмент.

по некоторым данным — вплоть до Подонья. Именно в Днепровской лесостепи было найдено большинство кладов, известных к 1920-м гг. Это и послужило основой концепции А. А. Спицына, давшего кладам название «древности антов», получившее распространение у некоторых археологов (Спицын, 1928).

При внимательном рассмотрении специалисты обратили внимание, что набор украшений из днепровских кладов складывался под влиянием многих культур, при этом обладая ярким своеобразием. Такой феномен становится понятным, если предположить, что он отражает формирование некоего протогосударственного образования. Например, предшественника того, столица которого была в Киеве, на Среднем Днепре. Его создателями были русы (историки называют это государство «Древнерусским» или «Киевской Русью»). Такая логика Б. А. Рыбакова, составляющая основу его концепции (Рыбаков, 1953). О русах существует обширная историческая литература, споры о них до сих пор не утихают. Источники дают возможность считать ру-

сов либо славянами, либо одним из скандинавских народов, из которого вышла правившая на Руси до Федора Иоанновича династия Рюриковичей, либо смешанным в этническом отношении военизированным объединением. Однако по достоверным сведениям русы известны не ранее IX в., более ранние данные гипотетичны и дают возможность для различных толкований. В той части «Повести временных лет» (важнейшем памятнике древнерусского исторического самосознания), где описывается расселение славян по Восточноевропейской равнине до образования Древнерусского государства в конце IX в., русы не упоминаются.

Для понимания природы Днепровских кладов важна и концепция, сформулированная Г. Ф. Корзухиной. Сходство кладов свидетельствует о том, что все они попали в землю либо одновременно, либо в течение короткого промежутка времени. Клады закапываются в землю обычно в момент опасности, чаще всего — во время войн. Очевидно, война закончилась поражением местного населения, ведь клады остались в земле,

следовательно, их владельцы были убиты, попали в плен или бежали. Это еще один аргумент против того, чтобы приписывать эти комплексы будущим творцам Древнерусского государства. Учитывая все эти соображения, М. И. Артамонов обратил внимание на кутригуров. Это один из кочевых народов тюркского происхождения, населявший причерноморские степи в VI в. В VII в. они были частью объединения, известного как Великая Болгария, разгромленного в 660–670-х гг. хазарами. В византийских исторических сочинениях указано, что кутригуры нередко взаимодействовали со славянами и антами. Элементы культуры кочевников зафиксированы в Днепровской лесостепи. Таким образом, «кутригурская» атрибуция кладов вполне объясняет имевшиеся факты и наблюдения (Артамонов, 1990; там же ссылки на работы, опубликованные при жизни автора).

Для того, чтобы выяснить, кому все же принадлежали днепровские клады, необходимо обратиться к археологическим материалам, накопленным за последние 50 лет (основ-

Рис. 7. Бусы из Гапоновского клада.

ные данные и литературу см. в Русанова, 1976; Седов, 1982; Этнокультурная карта...; Гавритухин, Обломский, 1996). В V–VII вв. на территории Среднего Поднепровья, Днепровского Левобережья и в бассейне Северского Донца известны памятники нескольких археологических культур (рис. 9).

Одна из них, колочинская, занимала часть Верхнего Поднепровья, Подесенье, Посеймье и северную часть лесостепи Днепровского Левобережья. Вторая — пеньковская. Она известна в южной части Среднего Поднепровья и лесостепи Днепровского Левобережья, в лесостепном участке бассейна Северского Донца (кроме его верховий), в лесостепном

Побужье и Поднестровье. Для обеих культур характерны небольшие поселения (до 5–8 одновременных жилищ — полуземлянок с очагами). Это население занималось разведением скота на пойменных лугах (в составе стада преобладали коровы) и земледелием на мягких и влажных почвах речных долин. Покойников носители обеих культур сжигали, а останки хоронили в небольших ямках. Каждая из этих культур обладает характерным для нее набором вылепленной без применения гончарного круга посуды. Пеньковская культура, судя по ареалу, принадлежала антам, а колочинская, исходя из ее характеристик, — какому-то родственному антам населению.

Северо-западная часть Среднего Поднепровья в V–VII вв. была занята носителями пражской культуры. Но основной ареал этой культуры был много шире. Он охватывал Белорусское Полесье, Северо-Запад современной Украины, большую часть Польши, Восточной Германии, Чехию, Словакию, часть Румынии и Молдавии, отдельные памятники известны в Венгрии, Хорватии, Сербии, Болгарии. По общему облику эта культура близка пеньковской и колочинской, отличаясь, прежде всего, набором керамической посуды и традициями домостроительства. По всем данным, пражская культура принадлежала славянам, упоминаемым в источниках VI в. и позднее.

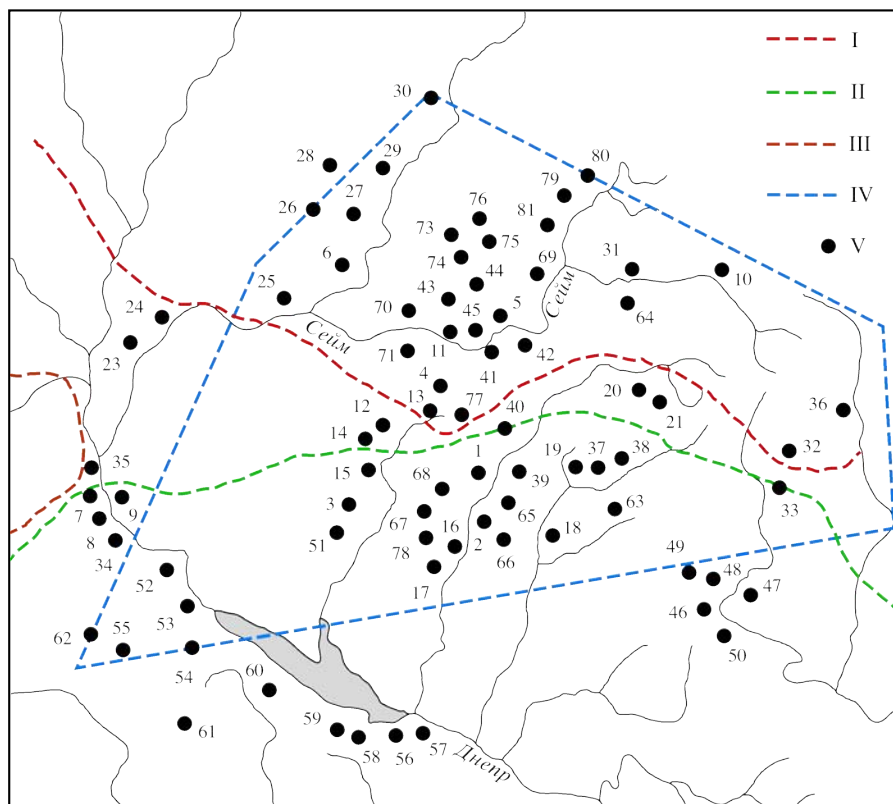
Рис. 8. Находки из Гапоновского клада.

Преимущественно в ареале пеньковской культуры зафиксированы и следы инородного ей населения. Это единичные труположения, иногда под курганами. Часть труположений оставлена какими-то группами степняков. Им, очевидно, принадлежали юртообразные постройки, известные на нескольких пеньковских поселениях. Другие труположения связаны с группами какого-то оседлого населения, вероятно, близкого восточногерманским (готам, гепидам и др.) или иранским (аланы и др.) народам.

Таким образом, картина заселения территории, где найдены клады, однотипные Гапоновскому, была довольно пестрой. Кто же оставил клады?

На пеньковских и колочинских памятниках, а также в лесостепных труположениях, известны украшения, аналогичные тем, что обнаружены в кладах. К настоящему времени таких изделий в этом ареале найдено более 100 (рис. 10). Кроме того, с колочинскими поселениями достоверно связаны два клада — Гапоновский и Великобудковский, а вещи

клада из Вильховчика были положены в пеньковский лепной горшок. Комплекс украшений раннесредневековых кочевников, соседей пеньковского населения, сильно отличается от происходящего из днепровских кладов. Для степных погребений чужды, например, фибулы, специфический набор подвесок и височных колец. Точка зрения М. И. Артамонова, таким образом, оказалась ошибочной, а наиболее близко к истине, по всей видимости, мнение А. А. Спицына, но лишь отчасти. Украшения, о которых идет речь, не

I. Южная граница колочинской культуры; II. Северная граница пеньковской культуры; III. Восточная граница пражской культуры; IV. Ареал кладов типа Гапоново; V. Памятники типа Сахновки, Вольницево.

1. Битица	28. Посудичи	55. Момоты
2. Вовки	29. Макча	56. Пеньковка (Макаров Остров)
3. Васильки	30. Голяжье	57. Большая Андрусовка
4. Малые Будки, Беседовка	31. Авдеево	58, 59. Пеньковка (Луг 1 и 2)
5. Вольницево	32. Дмитриевский могильник	60. Стецовка
6. Сосница	33. Шоссейное	61. Пастырское
7. Ходосовка	34. Белгородка	62. Журавка
8. Обухов 2	35. Киев-Детинка	63. Ивановка
9. Стовяги	36. Приоскольское 2	64. Иваново 2
10. Лебязье 3	37. Солдатское	65. Кудановка
11. Лагышевка	38. Рябовка 3	66. Бишкинь
12. Раковая Сечь	39. Токари	67. Бровково
13. Деркачевка-Довжик	40. Запселье	68. Песчаное
14. Глинск	41. Пески	69. Березники 3
15. Пески	42. Попово-Лежачи	70. Ленинское
16. Терновый-Савинцы	43. Литвиновичи 3	71. Нечаевка
17. Поповка	44. Воргол	72. Нижние Вирки
18. Хухра	45. Харьевка	73. Кочерги
19. Березовка	46. Сухая Гомольша	74. Руднево
20. Гочево 3	47. Занки	75. Веселое
21. Бобрава 5	48. Соколово	76. Глухов
22. Сушаны	49. Тимченки	77. Дергачевка
23. Шестовица	50. Новый Бишкинь 1	78. Плешивец
24. Роище	51. Хитцы	79. Береза 1
25. Мена 5	52. Монастырек	80. Харасея
26. Залиновье	53. Канев	81. Сныткино 2
27. Целиков Бугор	54. Сахновка	

Рис. 9. Раннесредневековые археологические культуры Поднiproвья и ареал ранних «антских» кладов.

являются этнографическим признаком именно антов: они концентрируются не во всем ареале пеньковской культуры, а лишь в восточной его части. То же самое можно сказать и о колочинской общности. Предметы набора типа происходящего из днепровских кладов обнаружены только на южных и западных колочинских поселениях.

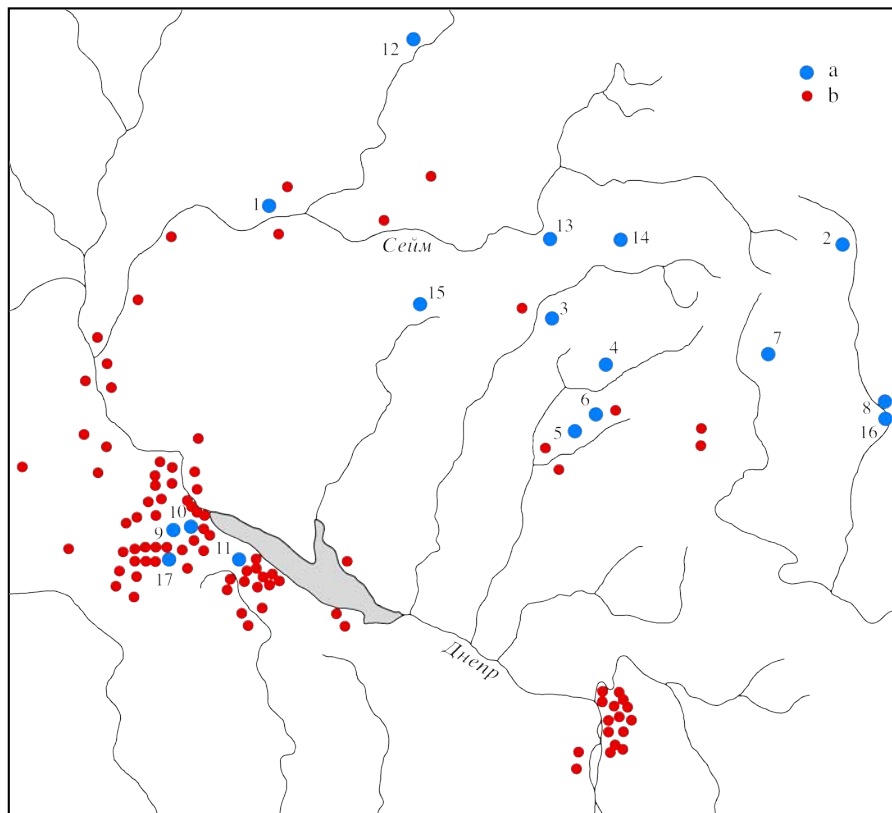
То, что область распространения мужских и женских уборов, известных покладам, относительно компактна и непосредственно не связана с ареалами местных культур VI–VII вв., можно объяснить тем, что клады очерчивают территорию какого-то складывающегося политического объединения, элита которого подчеркивала свое отличие от соседей спецификой костюма. Это близко позиции Б. А. Рыбакова, но, как сказано выше и будет показано далее, клады, близкие Гапоновскому, не могли принадлежать русам.

Судя по аналогиям, датированным монетами, набор украшений из кладов, близких Гапоновскому, сформировался к середине VII в., а сами клады накапливались сравнительно недолго (Гавритухин, Обломский, 1996). Важно и то, что эти вещи — самые поздние из всех известных на памятниках колочинской и пеньковской общностей. Клады, таким образом, маркируют прекращение существования этих культур. То есть, в результате войны, следствием которой является сокрытие кладов, не только гибнет складывающееся политическое объединение, но и происходят какие-то процессы, приведшие к разрушению существовавших не менее 200 лет этнических структур. В этом новые материалы подтверждают подход Г. Ф. Корзухиной и М. И. Артамонова. Но что же случилось?

Для ответа на этот вопрос посмотрим, что происходит в лесостепном Поднiproвье и на Днепровском Левобережье после выпадения в землю кладов, близких Гапоновскому. Пеньковскую и колочинскую археологические общности сменяют на

этой территории памятники типа Сахновки и Волынцева. По основным показателям — планировке жилищ, типам отопительных сооружений, набору лепной посуды, а также украшениям — они отличаются от предшествующих культур, не имеют с ними прямой типологической связи.

Прототипы культуры круга Сахновки известны в пражской археологической общности, которая принадлежала славянам в такой же степени, как и пеньковская — антам. В Среднем Поднепровье и на Днепровском Левобережье, таким образом, фиксируется смена населения: земли антов и родственных им колочинских племен занимают славяне, продвинувшиеся с территорий, лежащих к западу от Днепра. О том, что именно это переселение и было причиной днепровских войн, свидетельствует, как показано на карте (рис. 9), совпадение территории основного массива сахновских и волынцевских памятников и кладов типа Гапоновского, т. е. клады оставались в земле там, где появились пришельцы. Необходимо, правда, оговориться, что миграция славян не привела к полному уничтожению местных племен. На ранних волынцевских памятниках сохраняются колочинские и пеньковские формы лепной посуды, что говорит о симбиозе местного населения и пришельцев. Похоже, что произошедшая во второй половине VII в. миграция славян на территорию Днепровского Левобережья была частью более дли-

а. Клады; б. Отдельные находки вещей, аналогичных известным в кладах.

1. Мена	7. Цепляево Первое	13. Гапоново
2. Углы	8. Колосково	14. Суджа
3. Нижняя Сыроватка	9. Малый Ржавец	15. Большие Будки
4. Смородино	10. Мартыновка	16. Валуйки
5. Новая Одесса	11. Хацки	17. Вильховчик
6. Козиевка	12. Трубчевск	

Рис. 10. Клады типа Гапоновского и находки этого круга.

тельного общего процесса, который описан в «Повести временных лет» в разделе, где повествуется о расселении славян по Русской равнине перед образованием Древнерусского государства.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Артамонов М. И., 1990. Первые страницы русской истории в археологическом освещении // СА. № 3.
- Гавритухин И. О., Обломский А. М., 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.
- Корзухина Г. Ф., 1996. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь. Вып. V.
- Приходнюк О. М., Падин В. А., Тихонов Н. Г., 1996. Трубчевский клад антского времени // Материалы I тыс. н. э. по архео-

- логии и истории Украины и Венгрии. Киев.
- Русанова И. П., 1976. Славянские древности VI–VII вв. М.
- Седов В. В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. // Археология СССР. М.
- Спицын А. А., 1928. Древности антов // Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского. Л.
- Рыбаков Б. А., 1953. Древние русы // СА. XVII.
- Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. Киев, 1985.

Новейшие открытия в Дербенте

В 1996 г. были возобновлены раскопки в древнем Дербенте, включенном в 2002 г. в список памятников Всемирного наследия ЮНЕСКО. Этот уникальный город по-прежнему открывает свои исторические тайны, вызывая огромный интерес не только специалистов, но самого широкого круга людей. О некоторых из последних открытий, сделанных Дербентской археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН благодаря поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проекты 98-01-18015, 99-01-18080, 00-01-18084е, 01-01-18023е, 02-01-18043е, 03-01-18030е, 04-01-18067е) и Федеральной целевой программы «Интеграция» (проекты К0856, Э0158), и пойдет ниже речь.

Форт

В 1996–2000 гг. экспедиция исследовала форт, расположенный в 140 м к западу от цитадели Дербента. Он стал первым объектом программы изучения грандиозной фортификационной линии, известной под на-

званием *Даг-бары* («Горная стена») и представляющей собой систему оборонительных стен, башен и фортов, протянувшихся от цитадели Дербента в горы на расстояние более 40 км. Эту фортификационную систему, возведенную в середине VI в., в правление могущественного иранского царя из династии Сасанидов Хосрова Ануширвана (531–579 гг.), по праву можно именовать Великой Кавказской стеной. Она была призвана стать надежной защитой от вторжений воинственных кочевников в богатые страны Закавказья и Переднего Востока.

Раскопками (раскоп XIX) был полностью вскрыт форт, который представлял собой прямоугольную крепость с внутренними размерами 14,5 × 23,5 м, при толщине стен 2–2,6 м. По углам форт был укреплен четырьмя башнями диаметром 4 м, еще одна башня фланкировала узкий вход в крепость. В арабский период (VIII–IX вв.) на территории форта сооружаются 8 помещений для гарнизона, а позже, в X–XI вв., в центре форта — крупный водосборный бассейн, объемом около 30 т, к которому подходил водовод из керамических труб.

В XI в. на форте проводятся большие ремонтные работы: с южной стороны к крепости пристраивается новая оборонительная стена, которая увеличила диаметр башен и толщину стен в два раза. Эти археологические факты как нельзя лучше свидетельствуют о сложившейся в то время военно-политической ситуации на Восточном Кавказе. С VI в., когда был возведен этот форт, до X в. укрепления Дербента были направлены на север, против угрозы кочевников и их союзников. С конца же X в., с разгромом Хазарского каганата, распадом Арабского халифата и образованием на его просторах самостоятельных государств, на Восточном Кавказе возникают Дербентский эмират с его «республиканско-монархической» формой правления и южнее — государство ширваншахов. Вскоре они начали между собой многолетнюю кровопролитную войну за пальму первенства на западном побережье Каспия, за контроль над международной торговлей по Прикаспийскому пути, за решение территориальных претензий. В это время укрепления Дербента становятся направленными в значительной мере на угрозу с юга. Хроника «Тарих ал-

Рис. 1. Дербент. Участок южной стены крепости Нарын-Кала.

Рис. 2. Дербент. Крепость Нарын-Кала, вид с востока.

Баб», написанная в Дербенте в начале XII в., сообщает о частых сражениях между войсками Дербента и Ширвана, о неоднократных ремонтных работах по укреплению фортификации Дербента в конце X–60-х гг. XI в.

В связи с проводившимися археологическими исследованиями особый интерес вызывает сообщение хроники о том, что после смерти эмира Дербента Лашкари в 1001 г. ширваншах Йазид предложил жителям ал-Баба (Дербента) дать согласие на восстановление «крепости ал-Баба (т. е. цитадели Дербента — М. Г.) с крепостью Сул» (Минорский, 1963, с. 52). «Народ ал-Баба» поначалу отклонил это предложение. Но в 1019 г., после ряда политических событий, горожане призвали на правление Йазида, который «восстановил крепость и разместил там гарнизон из своих войск». Ремонтные работы на укреплении нашли отражение в материалах раскопок форта. И эти взаимодополняющие данные письменного источ-

ника и археологии дали веские аргументы для отождествления данного форта с крепостью Сул «Тарих ал-Баб» и укреплением Сул Ибн Хордадбега, а также идентификации с Дербентом важного военно-политического и религиозного центра Кавказа III–VI вв., известного под названиями арм. *Чор/Чол*, араб. *Сул*, груз. *Чора*, сир. *Торайе*, греч. *Тзур*.

Форт функционировал около 700 лет и потерял свое стратегическое значение в начале XIII в., после нашествия монгол, когда Дербент значительно ослаб. Это укрепление возвышалось еще в начале XVIII в., и оно обозначено на планах Дербента этого времени. Затем форт был почти полностью разобран, так что в наши дни студенты и рабочие, принимавшие участие в раскопках этого памятника, удивлялись тому, как археологи узнали, что на этом месте под землей находились такие внушительные руины старинной крепости — крепости, вновь обретшей свое древнее имя Сул.

Горная стена

Раскопки форта положили начало изысканиям вдоль колоссальной фортификационной системы *Даг-бары* («Горная стена») — составной части Дербентского оборонительного комплекса VI в. В 2001–2004 гг. были проведены разведки вдоль этой 40-километровой оборонительной линии от форта I (*Кала Сул*) близ цитадели Дербента до форта 59 (*Чухун-кала*) в горном Табасаране. В результате были составлены подробный план Горной стены, планы фортов и башен, выяснены их архитектурные особенности, определено время активного функционирования отдельных укреплений и фортификационной системы в целом, выявлены важные археологические объекты и находки — знаки строителей, зубцы-мерлоны и блоки машикулей VI в., водосборные ямы, обеспечивавшие гарнизоны водой, надмогильные памятники, арабоязычные эпиграфические памятники VIII–XV вв. и др.

Рис. 3. Плита с куфической надписью 176 г. хиджры (792–793 гг.), найденная в окрестностях форта Кеджерли-кала у с. Митаги.

Среди эпиграфических находок отметим открытие единственной на руинах Даг-бары, на форте *Кеджерли-кала*, среднеперсидской (пехлевийской) надписи VI в. с упоминанием строителя Рашну, названного так в честь зороастрийского божества справедливости. Всего в 1996–2001 гг. в Дербенте — в этой своеобразной «библиотеке под открытым небом» — было выявлено 7 пехлевийских надписей (№ 26–32), представляющих уникальные памятники древних письменности и языка и важный исторический источник (Гаджиев, 2000; Гаджиев, Касумова, 2006). Особую ценность представляет надпись 29 на северной городской стене Дербента. Она дала возможность установить подлинное имя руководителя и финансового распорядителя грандиозного строительства, этой «стройки века» — крупного сасанидского чиновника, главы фискального ведомства области Адурбадаган (в которую входили все закавказские провинции Сасанидов) Дариуша.

Огромное значение имеет открытие недалеко от форта *Кеджерли-*

кала, около с. Митаги, уникального эпиграфического памятника — крупной плиты (размерами 154 × 73 × 10 см) с арабской куфической надписью 176 г. хиджры (792–793 гг.) (Gadjiev, Shikhsaidov, 2002). В ней упоминаются «Кисра», т. е. шаханшах Хосров Ануширван (531–579), «Харун, амир правоверных», т. е. знаменитый халиф Гарун ар-Рашид (786–809), и «ал-Амин Мухаммад, наследник престола мусульман», т. е. старший сын халифа. Эта надпись заслуживает того, чтобы привести ее текст здесь полностью (рис. 3):

«Во имя Аллаха, милостивого, милосердного. Скажи: 'Он — Аллах — един, Аллах — вечный, не родил и не был рожден, и не был Ему равным ни один'. Мухаммад, посланник Аллаха, который послал его с ведением по правильному пути и верой истины, чтобы открыть ему всю веру, хотя это и ненавистно многобожникам. Да благословит Аллах Мухаммада и приветствует. Это построил Кисра и приказал [затем обновить это] раб божий Харун, повелитель правоверных (амир ал-му'минин), да возвели-

чит его Аллах, в назначение ал-Амин Мухаммада, сына повелителя правоверных, наследником престола мусульман (валӣ 'ахд ал-мус-лимӣн), да возвеличит Аллах его и его семью. Построил ... да возвеличит его Аллах. [Написано] рукой Мухаммада сына Абдаллаха в сто семьдесят шестом году».

Это одна из древнейших в мире официальных мусульманских надписей. Плита с надписью украшала какое-то монументальное сооружение, а упоминание в тексте ее Кисры — Хосрова Ануширвана, и указание на то, что «это построил Кисра», позволяет считать, что она была установлена в кладку Горной стены или одного из фортов этой оборонительной линии.

Арабы, утвердившиеся в Дербенте — Баб ал-аббабе после походов ал-Джарраха и Масламы (брата халифа Хишама) в начале VIII в., активно использовали в своем противостоянии с хазарами созданную здесь при Хосрове мощную фортификационную систему. Об этом свидетельствуют вышеприведенная и другие нема-

Рис. 4. Вид на угловую башню форта 7 Горной стены «Даг-бары» в 4 км к западу от Дербента.

лочисленные арабские надписи. Проведенные на ряде фортов раскопки показали их функционирование на протяжении VI—XII вв.

В ходе изысканий было установлено, что Даг-бары не представляла собой сплошную оборонительную стену, протянувшуюся от Дербента до горного Табасарана, и на ряде участков она прерывается. Чем было это вызвано — предстоит еще определить. Вдоль Горной стены зафиксировано 59 фортов, которые расположены компактно, в 150—500 м друг от друга. Они представляют собой прямоугольные в плане укрепления с четырьмя угловыми круглыми (диаметр 4—5,5 м) башнями (рис. 4); на ряде фортов имеется и пятая прямоугольная башня, фланкировавшая вход в укрепление. Внутренние раз-

меры фортов — от 20 × 10 до 28,5 × 16 м, при толщине стен 2—2,6 м. Самым крупным является форт 24 (*Шелкени-кала*) — его внутренние размеры 36,4 × 32,6 м. Наиболее важный стратегический пятикилометровый участок в долине между горой Джалган и с. Митаги был защищен 12 фортами, 2 полуфортами и 28 башнями. Последние представлены глухими башнями (ок. 5,3—5,9 × 7,3—8,2 м) и башнями (ок. 5,3—5,6 × 7,4—8,8 м, толщина стен 1,8—2 м) с внутренней камерой, перекрытой ложным сводом, с центральным входом и боковыми проходами на куртины.

Исследования Даг-бары, стоящей в одном ряду с такими выдающимися памятниками оборонного зодчества, как Великая Китайская стена, Стена Александра, Римский лимес на Рейне

и Дунае, Вал Адриана в Британии, продолжают.

Дахма

В V—VII вв. Дербент был одним из важнейших административно-политических и военно-стратегических центров Сасанидской державы на Кавказе, и это определяло значительные позиции здесь зороастризма. Но до последнего времени в Дербенте не были известны зороастрийские культовые или погребальные памятники. И только в 1999 г. при осмотре округи к югу от города, на высоком и обрывистом склоне ущелья *Етти гоиляр* («Семь колодцев») наше внимание привлекла небольшая пещера (глубина 1,7 м, ширина 3,6 м, высота

Рис. 5. Дербент. Зороастрийский скальный погребальный комплекс (дахма) на обрывистом склоне ущелья Етти гоиляр, вид с северо-востока.

Рис. 6. Дербент. Выдолбленные в отвесной скале ступени, ведущие к погребальной площадке и дахме.

до 1,8 м). Ее осмотр позволил сделать предположение, что это *дахма* (рис. 5) — зороастрийское погребальное сооружение, в которое умерший помещался до полного истления, а затем кости его скелета укладывались в небольшую камеру — костехранилище-астодан.

В 2000 году этот объект был исследован, и было установлено, что это зороастрийский скальный погребальный комплекс, представляющий собой грот с двумя разрушенными прямоугольно-стрельчатými входами (рис. 5, 6). В нем были расчищены две скальные удлиненные ямы (ок. $2 \times 0,65 \times 0,6$ м; $1,1 \times 0,7 \times 0,9$ м) — дахмы, между которыми располагается небольшое (ок. $0,6 \times 0,6 \times 0,2$ м) углубление, очевидно астодан. Исследованный погребальный комплекс — пока единственный в своем роде объ-

ект на Кавказе. Но подобные памятники известны на территории Ирана, и в частности в провинции Фарс (Кух-и Рахмат, Хуссейн Кух и др.) (Huff, 1988, S. 155–160, 165). По аналогиям с ними дербентская дахма датируется VI—началом VIII в. Такие погребальные памятники сопоставляются с сооружениями, описанными в позднепехлевийском сочинении «Дадестан-и дениг» (XVIII, 34).

В ходе дальнейших работ в заложенном перед гротом раскопе XXI было выявлено подквадратное помещение ($2 \times 2,3$ м), сооруженное вплотную к скале. В него вел узкий дверной проем, а внутри, в углу, находился очаг. находки средневековой керамики и монет, в том числе тенги ширваншаха Фаррух-Йассара Дербенди 875 г. хиджры (1470–1471 гг.), дали возможность определить время

существования этого сооружения — XII–XV вв. Неясным оставалось назначение объекта, хотя его местонахождение предполагало, что оно имело культовый характер. Последующие раскопки подтвердили эту догадку.

В помещении, вплотную к скале, на уровне пола была обнаружена неглубокая, длинная и узкая яма ($1,8 \times 0,5$ м), окруженная пепельно-глиняной полосой (шириной 10–12 см). В ней был погребен взрослый мужчина в вытянутом положении, на спине, головой на юго-запад, а по обе стороны черепа лежали две медные монеты XIV–XV вв. Детали обряда свидетельствовали о том, что это зороастрийская, так называемая «временная могила». Прослойка изолировала погребенного от остального пространства помещения, а наличие монет, очевидно, было связано с осу-

Рис. 7. Дербент. «Ворота Судного дня», вид с севера-востока.
В стене вокруг прохода видны следы вбитых средневековых гвоздей и вырезанные знаки.

шествием ритуала *яшти-седуш* и *шаб-зи-рих* («служба ночного бдения») с посвящением умершему освященных предметов и в т. ч. монет, предназначенных для «души покойника» (Гаджиев, 2007). Монеты при погребенном, вероятно, представляли символическую плату богам (в т. ч. богу Рашну, взвешивающему добрые и плохие дела зороастрийца), которые вершат суд над человеческими душами у моста Чинват, через который им предстоит перейти.

Следующее открытие подтвердило предположение, что выявленные здание и погребение связаны с зороастрийским погребальным обрядом. В углу помещения, рядом с первым захоронением, в небольшой нише в скале, которая была заложена облицованными кирпичами XII–XV вв., было обнаружено еще одно погребение

— оно представляло собой вторичное захоронение аккуратно уложенных костей полного скелета взрослого человека без анатомического порядка и являло собой костехранилище-астодан.

Интерпретация вскрытых погребений как зороастрийских дала возможность сопоставить выявленное здание с описанным в зороастрийском религиозном трактате «Видевдат» «домом для мертвых», который у иранских зороастрийцев называется *зад-марг-хане* («дом рождения и смерти»), а у индийских парсов — *наса-хане* («дом для мертвых»). В такой дом помещался покойник во «временную могилу» до его переноса в дахму. Открытие «дома для мертвых» XII–XV вв. близ Дербента, выступавшего одним из мусульманских центров региона, стало свидетельст-

вом наличия зороастрийской общины в городе в это время и включило, таким образом, Восточный Кавказ в круг территорий расселения зороастрийцев в период развитого средневековья.

Ворота Судного Дня

В 1996 году наше внимание привлек участок северной городской стены Дербента между башнями 50 и 51. Здесь в оборонительной стене, вплотную к башне 50, была видна арочная конструкция, немного выступавшая из-под земли на поверхность, синхронная по характеру кладки самой стене (VI в.) и которая, как полагали исследователи, являлась каналом водовода. Здесь же на стене изображено свыше 40 различных символов — это

Рис. 8. Дербент. «Ворота Судного дня». Надпись 814 г. хиджры (1412–1413 гг.) о строительстве «благословенного здания» в правление эмира Исфандийара.

одно из самых многочисленных скоплений знаков на стенах Дербента (Gadĭiev, Kudrjavcev, 2001, S. 368–370; Abb. 10, 231–235; 11, 236–262). Сама стена вокруг арки «усеяна» сотнями железных кованых гвоздей, вбитых в нее до конца. Рядом на башне высечена изящная надпись 814 г. хиджры (1412 г.) на персидском языке, рис. 8 (Лавров, 1966, с. 131):

«Нет бога кроме Аллаха, Мухаммад посланник Аллаха. Это благословенное здание построено во время правления эмира Исфандийара, — да сделает Аллах его владычество вечным! — рабом [божьим] Хаджа Рукн ад-Дином сыном Хаджа Наджм ад-Дина. Восемьсот четырнадцатого года».

Здесь же были обнаружены три арабские надписи XI–XIII вв.: одна из них состоит из одного слова *масджид* «мечеть», вторая — пока еще не разобрана, а третья представляет со-

бой фразу верующего суфия, странствующего аскета-мистика — «*Йа, Али, дарвиш Садик*» (рис. 9). Начальная фраза надписи («*Йа, Али...*») является характерным восклицанием, обращением к имени Али б. Аби Талиба — двоюродного брата и зятя пророка Мухаммеда, четвертого «праведного» халифа, особо почитаемого и обожаемого шиитами, как святого и героя — «идеального рыцаря ислама» (Петрушевский, 1966, с. 40).

Указанные надписи, особенно надпись о строительстве «благословенного здания» (т. е. мечети или зийарата), вырезанные знаки, а также многочисленные забитые в стену гвозди свидетельствовали о нахождении в этом месте культового объекта. На это указывало и ныне забытое его название — араб. *Баб ал-Кийама*, тюрк. *Кийамат-капы*, перс. *Дар-и Кийамат* — «Ворота Судного дня» или «Ворота Воскресения».

Впервые это название было зафиксировано кн. Дм. Кантемиром в 1722 г. во время пребывания его в Дербенте вместе с Петром Великим. Установление местонахождения этого объекта стало возможным благодаря приведенным в его дневнике зарисовкам нескольких знаков, расположенных «на маленьких подземных воротах, которые местные жители называют Баб уль-Кийамет», как писал Кантемир (Cantemir, 1883, с. 16). Несколько из этих знаков сохранились до наших дней на данном участке. Это же название отмечено А. К. Бакихановым в 1841 г., сообщая, что упомянутая выше надпись эмира Исфандийара, находится «на Дербендских воротах, называемых Кийамат» (Бакиханов, 1991, с. 89), а в конце XIX в. А. В. Комаров на плане Дербента привел название башни, на которой она вырезана — *Дар Кийама бурджи* «Башня Ворот Кийамат» (Ко-

Рис. 9. Дербент. «Ворота Судного дня». Надпись дервиша-суфия Садика, XI–XII вв.

маров. Ф. 71. Оп. 1. Д. 1). Эти данные позволили надежно локализовать ворота Кийамат и одноименное культовое место, которое не помнят нынешние старожилы Дербента.

С целью изучения данного места, возможного обнаружения культового архитектурного памятника, о которых сообщала надпись 1412 г., здесь был заложен раскоп XXII. Раскопки этого, ныне забытого и не функционирующего, средневекового мусульманского культового места экспедиция производила в 2002–2004 гг. В итоге были вскрыты культурные слои мощностью до 2,9–3,4 м, датируемые серединой VI–серединой XX в., выявлены архитектурные остатки, включающие стены и резные столбы ограды этого культового объекта, определено время его функционирования — с X–XI вв. вплоть до начала XX в. Рядом с башней, непосредственно под надписью 1412 г., было

расчищено мусульманское мужское погребение XIV–XVI вв. в каменном ящике.

У стыка оборонительной стены с башней был выявлен хорошо защищавшийся арочный проход (длина 284 см, ширина 145 см, высота 264 см) со смотровым окном (рис. 7), с пазами для засова и дверей, возведенный одновременно с оборонительной стеной и башней в середине VI в. и позднее, в X–XI вв., с ростом культурного слоя, оказавшийся заглубленным в грунт. В это время он и стал восприниматься как подземные ворота, а в сознании верующих мусульман, как ворота в потусторонний мир, чем и было обусловлено наименование этого места «Ворота Судного дня» и превращение его в культовое.

В ходе раскопок было установлено, что в этот же период проход был заложен с внутренней стороны (со стороны средневекового города) и

вошел в систему данного культового памятника. При расчистке арочного прохода на его стенах были обнаружены арабские, выполненные почерками куфи и насх, строительная (еще не прочитана) и религиозные надписи X–XII вв. с формулой единобожия и упоминанием пророка Мухаммеда — заступника верующих в Судный день, а также символические изображения — луки со стрелами, направленными вниз, слитное написание арабских букв *лам* и *алиф*.

Символика в исламе, особенно в суфизме, занимала очень важное место. Видимо, люди, изображая на стенах этого прохода рядом с религиозными надписями направленными вниз луки со стрелами, как бы ограждали этот «тленный мир» от потустороннего «мира вечного», охраняли «Ворота Судного дня». В этой связи особый интерес вызвала находка железного наконечника стрелы X–XIII вв.,

воткнутого черешком в шов, в верхнем ряду кладки арочного свода. Кстати, ранние суфии жили под страхом близкого Судного дня, устрашающе описанного в сурах Корана. А знаки *лам* и *алиф*, представляющие первое слово в символе веры («Нет Бога кроме Аллаха...»), выступали одними из центральных в буквенной символике суфизма. Одно из объяснений мистического смысла этих букв в том, что *алиф* — это Аллах, а *лам* — символ ангела Джабраила, через которого Коран был ниспослан Пророку. Связка *лам* — *алиф* наделялась особым мистическим содержанием — ей придавалось значение знаменитого меча *зу-л-фикар* «праведного» халифа Али и могущественного меча *ла*, которым может быть уничтожено все сотворенное (Шimmel, 2000, с. 321, 324).

В проходе, как и на прилегающих к нему участках оборонительной стены и башни, в кладке зафиксированы сотни забитых средневековых кованых железных гвоздей. В ходе исследований была установлена обрядовая специфика памятника. Зафиксированный обряд забивания в стену гвоздей по данным письменных источников и этнографии интерпретируется

как благопожелательный, выполняемый с целью исполнения заветных просьб, сокровенных желаний и сопровождаемый обетом. Об этом сообщает А. В. Комаров в своей заметке о Дербенте (А. К., 1872, с. 22). Подобный обряд совершали и армяне в конце XIX в. в пещере св. Оганеса около Новобаязета (Федоров, 1892, с. 15). Эту же цель преследовал осуществлявшийся у ворот Кийамат обряд подношения монет — в раскопе было найдено 11 средневековых медных монет, одна из которых была забита в шов кладки оборонительной стены.

Этому культовому объекту в X–XII вв. придавалось особое значение, и здесь несли службу воины гарнизона Дербента. В Петербургском списке хроники «Дербенд-наме» (хранящемся ныне в Государственной публичной библиотеке в Санкт-Петербурге), автором протографа которого являлся, видимо, Йусуф ал-Лакзи (ум. до 1089 г.), имеется приложение — «Баб ал-абваб шухедалери», т. е. «Мученики-шахиды Баб ал-абваба (Дербента)» (Derbend-Nameh..., 1851, р. 606–608). В нем приведены имена пятидесяти шахидов XI–начала XII в., похороненных на кладбищах города (в том

числе на высокопочитаемом кладбище Кырхляр), и среди них назван Пир-Нал'банд, который носил титул «султан газиев Ворот Воскресения» (султан дарвазе-е кийамат газийан), т. е. он являлся предводителем отряда воинов-газиев (борцов за веру), несших службу у «Ворот Воскресения» — памятника, который вновь был выявлен в наши дни и исследовался Дербентской археологической экспедицией.

Исследования этого неординарного и долго функционировавшего культового объекта предоставили важный материал для изучения ислама и суфизма в средневековом Дербенте — одном из мусульманских центров Кавказа.

В ближайшей перспективе намечено продолжение исследований в Дербенте и его исторической округе — на Белиджинском городище Торпах-кала и вдоль Горной стены. Археологические изыскания, несомненно, принесут новые открытия. Как поется в «Дербентской археологической песне»:

*Шурфы, раскопы, слои и столетия...
Хватит! Сенсаций никто уж не ждет.
Только один археолог надеется,
Верит в удачу, копает и ждет.*

БИБЛИОГРАФИЯ

- А. К., 1872. Что должен делать каждый Дербентский мусульманин (шиит), чтобы счастливо провести весь новый год // Изв. КОИРГО. Т. I.
- Бакиханов А. К., 1991. Гюлистан-и Ирам. Ред., коммент., примеч. и указатели акад. З. М. Буниятова. Баку.
- Гаджиев М. С., 2000. Новые находки и топография среднеперсидских надписей Дербента // ВДИ. № 2.
- Гаджиев М. С., Касумова С. Ю., 2006. Среднеперсидские надписи Дербента VI века. М.
- Гаджиев М. С., 2007. Зороастрийский погребальный комплекс близ Дербента // РГ. № 4.
- Комаров А. В. Эпиграфические материалы. Рукоп. отд. ИВ РАН (СПб). Ф. 71. Оп. 1. Д. 1.
- Лавров Л. И., 1966. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на араб., перс. и тур. языках. М. Ч. 1. Надписи X–XVII вв.
- Минорский В. Ф., 1963. История Ширвана и Дербента X–XI веков. М.
- Петрушевский И. П., 1966. Ислам в Иране в VII–XV веках. Л.
- Федоров Н., 1892. Пещера святого Оганеса // СМОМПК. Вып. XIII.
- Шimmel А., 2000. Мир исламского мистицизма. Пер. с англ. Н. И. Пригариной, А. С. Раппопорт. Изд. 2-е. М.
- Cantemir D., 1883. Collectanea Orientalia (III. Ex eiusdem Demetrii Cantemiri schedis Manuscriptis) // Operele principelui Demetriu Cantemiru publicate de Academia Română. București. T. VI.
- Derbend-Nameh or the History of Derbend. Translated from a select turkish version and published with the text and with the notes by Mirza A. Kazem-Beg. SPb., 1851.
- Gad'iev M. S., Kudrjavcev A. A., 2001. Steinmetzzeichen des 6. Jahrhunderts n. Chr. In Darband // AMIT. Bd. 33.
- Gad'iev M. S., Shikhsaidov A. R., 2002. The Darband-nāma on Hārūn Al-Rashīd and a Newly Discovered Arabic Inscription from A.H. 176 // Manuscripta Orientalia: International Journal for Oriental Manuscript Research. SPb. Vol. 8. No. 3.
- Huff D., 1988. Zum problem Zoroastrischer grabanlagen in Fars // AMI. Bd. 21.